

В. А. Томсинов
Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):
государственный деятель и правовед
Часть 10
Опубликовано:

Журнал «Законодательство».

2020. № 8. С. 87–94. № 9. С. 80–86. № 10. С. 87–94. № 11. С. 87–94.

1

Хаос беззакония, в который массовые карательные операции 1937 – 1938 годов погрузили советское общество, оказался роковым и для многих из тех, кто призывал к расправам, руководил ими и непосредственно их осуществлял. Чем более жестокими были палачи, чем бесцеремоннее они действовали, обрекая своих соотечественников на мучения или гибель, тем меньше у них самих оставалось шансов уцелеть под ударами репрессий, которые они безжалостно обрушивали на других.

Секретари местных партийных комитетов входили в состав троек, приговаривавших арестованных на основании приказов наркома внутренних дел к лишению свободы или расстрелу, но не являлись их руководителями. Постановлением Политбюро от 31 июля 1937 года председателями троек были утверждены наркомы внутренних дел республик и начальники краевых и областных управлений НКВД. Приказ № 00447 предоставил этим должностным лицам правомочие обращаться к наркому Ежову с ходатайствами об увеличении лимитов на лишение свободы и расстрелы. Но на практике количество лиц, подлежавших репрессиям в республиках, краях и областях, утверждалось постановлениями Политбюро ЦК ВКП (б). Поэтому с самого начала осуществления репрессивных операций против бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов ходатайства об увеличении установленных лимитов на лишение свободы и расстрел направлялись в ЦК ВКП (б) – от имени секретарей республиканских, краевых и областных партийных комитетов.

Многие из партийных секретарей роль инициаторов расширения репрессий брали на себя добровольно и действовали с предельным энтузиазмом, перевыполняя на вверенных им территориях двукратно и даже многократно первоначальные планы по репрессиям. Некоторые партийные секретари не спешили включаться в это кровавое соревнование и не стремились к увеличению числа репрессируемых. Кто-то просто выжидал, не понимая смысла проводившейся высшим партийным руководством карательной политики, не желая рисковать своей должностью и жизнью.

Выступления руководителей ВКП (б) на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года показали местной партийной бюрократии, что в ближайшее время ей предстоит пережить настоящую кадровую революцию. В своей заключительной речи на этом партийном форуме, произнесенной 5 марта, секретарь ЦК ВКП (б) И.В. Сталин говорил о необходимости ускоренной подготовки людей, способных заменить всех нынешних руководителей партийных комитетов снизу доверху. Он предложил, чтобы действовавшие на тот момент в партии 102 тысячи секретарей первичных партийных организаций прошли переподготовку на специальных курсах и выдвинули по два заместителя, способных при случае занять место руководителя. «У нас имеется, — заявил в этой речи Иосиф Виссарионович, — 3 500 с лишним районных секретарей городских и не городских. Каждый из них должен обязательно подобрать себе двух замов полноценных, способных их заменить, — будут ли это нынешние вторые секретари или нет, я не знаю, но мы не хотим больше терпеть того, чтобы секретари подбирали себе в заместители замухрышек, людей на побегушках. Не годится это. ЦК будет требовать, чтобы заместители были настоящие, полноценные и способные заменить районных секретарей... Мы бы хотели, чтобы первые секретари горкомов подобрали себе двух полноценных заместителей, для того, чтобы их тоже послать на курсы по истории партии»¹.

Подобные требования руководство ВКП (б) намеревалось распространить и на вышестоящих партийных функционеров. «У нас имеется свыше 100 крайкомов, там тоже секретари сидят, а также в

---

¹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 5 марта 1937 года. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 11-12. С. 18.

национальных областях. — отмечал Сталин. — Мы тоже будем требовать, чтобы каждый из первых секретарей постарался выдвинуть двух заместителей себе, настоящих, полноценных»². Затем Сталин заявил, что секретари ЦК национальных республик и члены Политбюро так же как и местные партийные секретари должны подготовить работников, способных заменить их.

Подлинный смысл высказанных Сталиным предложений о переподготовке партийных кадров и выдвижении на должности заместителей секретарей партийных комитетов людей, способных к эффективной работе, прояснился уже к лету 1937 года, когда значительно увеличилось количество арестов работников местных партийных и советских органов. Это означало, что началась **массовая репрессивная операция против партийных секретарей**.

18 июня 1937 года А.С. Щербаков, назначенный 1-м секретарем Восточно-Сибирского обкома ВКП (б), сообщил секретарю ЦК ВКП (б) А.А. Жданову из Иркутска: «Партийное и советское руководство целиком было в руках врагов. Арестованы все руководители областных советских отделов, заорготделами обкома и их замы (за исключением, пока — двух), а также инструктора, ряд секретарей РК (районных комитетов ВКП (б). — В.Т.), руководители хозяйственных организаций, директора предприятий и т.д. Таким образом, нет работников ни в партийном, ни в советском аппарата. Трудно даже было вообразить что-либо подобное. Теперь начинаем копать в органы НКВД»³.

Из решений июньского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года следует, что репрессивная операция против партийных функционеров не ограничилась местными партийными комитетами, но распространилась и на Центральный комитет. Данный Пленум исключил из состава ЦК ВКП (б) и контрольной ревизионной комиссии «за измену партии и Родине и активную контрреволюционную деятельность» 28 человек, передав их дела в НКВД⁴.

---

² Там же.

³ А.С. Щербаков — А.А. Жданову. 18 июня 1937 г. // Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. М., 1999. С. 363.

⁴ Из членов ЦК ВКП (б) и из партии июньским Пленумом ЦК ВКП (б) 1937 г. были исключены (согласно тексту протокола): Антипов, Балицкий, Жуков, Кабаков, Кнорин, Кодацкий, Лаврентьев, Лобов, Разумов, Румянцев, Чудов, Шеболдаев, Ягода. Из кандидатов в члены ЦК

После Пленума репрессии против партийных секретарей приняли еще более широкий размах, одновременно захватывая в свои жернова и все новых сотрудников НКВД.

Весьма примечательной представляется ситуация, сложившаяся в июле 1937 года в Саратовской партийной организации. Политбюро ЦК ВКП (б) 2 июля рассмотрело вопрос «Об антисоветских элементах в Саратовской области» и две недели спустя приняло решение снять с должности 1-го секретаря обкома А.И. Криницкого по причине «неоднократного проявления слабости в деле руководства Саратовской организацией и безнадёжной слепоты к врагам народа»⁵. При этом под «врагами народа» подразумевались не бывшие кулаки, белогвардейцы, уголовники, а партийные функционеры, окружавшие 1-го секретаря обкома.

17 и 18 июля в Саратове состоялся чрезвычайный пленум обкома ВКП (б), на котором присутствовали секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Андреев и заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК Г.М. Маленков. Андреев начал свое выступление с вопроса: «Не надоели ли саратовским коммунистам их партийные руководители?», открыто продемонстрировав тем самым главную цель своего приезда в Саратов. Далее он обвинил бывшего первого секретаря обкома в потворстве врагам народа, в зазнайстве и других грехах. Сразу по завершении пленума обкома за дело взялось местное управление внутренних дел. Было арестовано 50 руководящих работников обкома. А .И. Криницкий был вызван в Москву, где 20 июля его арестовали. 29 октября 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу⁶.

Отчет о пленуме Саратовского обкома, составленный А.А. Андреевым и Г.М. Маленковым для Сталина и переданный в ЦК телеграммой 19 июля 1937 года, показывает, что репрессивная операция, направленная прежде всего против областного партийного аппарата, была распространена и на руководителей УНКВД. Любопытно, что обвинялись они прежде всего в

ВКП (б) и из партии были выведены: Благонравов, Вегер, Голодед, Калманович, Каминский, Комаров, Кубяк, Михайлов В., Павлунский, Полянский, Попов Н.Н., Струспе и Уншлихт. Из состава Контрольной ревизионной комиссии — Аронтштам и Крутов.

⁵ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О руководстве Саратовского обкома ВКП (б)». 14 июля 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 989. Л. 47.

⁶ 17 марта 1956 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила этот приговор, реабилитировав таким образом А.И. Криницкого.

фальсификации уголовных дел, в арестах и привлечении к уголовной ответственности невиновных.

«Ознакомление с материалами следствия, — сообщали Андреев и Маленков Сталину, — приводит к выводу, что в Саратове остается до сих пор неразоблаченной и неизъятой серьезная право-троцкистская шпионская организация»⁷. Далее в их сообщении говорилось, что начальник УНКВД Я.С. Агранов и не стремился к разоблачению этой организации. На основании допросов сотрудников УНКВД и некоторых арестованных было установлено, что «следствие направлялось по явно неправильному пути. Есть арестованные, не имеющие никакого отношения [к] право-троцкистским организациям, ложные показания которых были продиктованы следователями под руководством Агранова, а ближайшим помощником его в этом деле является Зарицкий, довольно подозрительная личность, которого пришлось арестовать»⁸. Сам аппарат Саратовского УНКВД до сих пор остается нерасчищенным от врагов»⁹. На основании этого соратники Сталина делали вывод о целесообразности смещения с должности и ареста начальника Саратовского УНКВД Я. С. Агранова, что и было на следующий день исполнено¹⁰.

Июльские репрессии 1937 года против работников Саратовского обкома ВКП (б) и УНКВД, не были реакцией на их действительные преступления, а

---

⁷ А.А. Андреев, Г.М. Маленков — И.В. Сталину. 19 июля 1937 г. // Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 364.

⁸ Начальник 5 отдела УГБ УНКВД Саратовской области *Натан Давидович Зарицкий* был осужден «за фальсификацию следственных материалов» на два года тюремного заключения и 8 сентября 1937 г. его уволили из НКВД. Наказание он отбывал в Москве — в той же самой тюрьме, в которой содержался Н.И. Бухарин. Использовался в качестве внутрикамерного агента для получения от сокамерников, в том числе и от Бухарина, сведений необходимых следователям. За успешную работу в этой роли Зарицкий был в апреле 1938 г. освобожден и 7 мая восстановлен в НКВД. Полтора года он служил в Гулаге. Приказом наркома внутренних дел от 15 ноября 1939 г. Н.Д. Зарицкий был окончательно уволен в запас.

⁹ Там же.

¹⁰ Яков Саулович Агранов был арестован 20 июля 1937 г. На допросе 9 ноября того же года он признал себя виновным в том, что «состоял участником контрреволюционного террористического троцкистского заговора, ставившего своей задачей насильственное свержение руководства ЦК ВКП(б) и советского правительства, ликвидацию колхозного строя и реставрацию буржуазно-капиталистического порядка». 1 августа 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Агранова к расстрелу. 21 августа этот приговор был приведен в исполнение.

обусловливались стремлением Сталина и его приближенных в кратчайшие сроки произвести замену основного кадрового состава этих органов. Чтобы такая замена не выглядела актом произвола носителей высшей власти по отношению к нижестоящим должностным лицам, нужно было найти весомую причину смещения неугодных лиц. Пассивность А.И. Криницкого и Я.С. Агранова в разоблачении врагов народа, троцкистов и правых, были признаны основанием для их отстранения от должностей первого секретаря обкома и начальника областного УНКВД.

Между тем активное участие партийных секретарей и начальников УНКВД в массовых репрессиях также не спасало их от арестов с последующим осуждением к расстрелу. Более того, рассматривая дела репрессированных партийных секретарей, нетрудно заметить парадоксальную на первый взгляд закономерность: арестам с последующим осуждением на расстрел (почти во всех случаях) или к лишению свободы (в отдельных случаях) подвергались в первую те из партийных секретарей, кто проявлял наибольшее усердие при осуществлении массовых репрессий, кто стремился отправить на гибель как можно больше своих соотечественников.

Самое удивительное, что Сталин и его сподвижники в руководстве ВКП (б) (А.А. Андреев, Г.М. Маленков, В.М. Молотов, Л.М. Каганович) постоянно призывали местных партийных секретарей проявлять повышенную бдительность, требовали, чтобы они более активно разоблачали врагов в своем окружении, и обвиняли в потворстве врагам тех, кто отказывался это делать или не проявлял достаточной инициативы. Складывается впечатление, что Сталин смотрел на массовые репрессии еще и как на горнило испытаний, через которые должна была пройти старо-большевистская партийная прослойка, чтобы очиститься от какой-либо революционности и стать настоящей партийной бюрократией, то есть надежным проводником политики высшего партийного руководства на всей территории страны.

Мало кто из среды старых большевиков выдержал столь необычное и жестокое испытание. И это неудивительно. Они восприняли проводившую Сталиным политику массовых репрессий как повторение гражданской войны и соответственно действовали по-военному, то есть беспощадно и хаотично. Между тем для Сталина это была не военная, а бюрократическая операция, упорядоченная и кратковременная. По этой причине она

оказалась гибельной не только для объектов расправы — бывших кулаков, уголовников, граждан иностранного происхождения и других антисоветских элементов, но и для масс ее исполнителей — работников НКВД и секретарей партийных комитетов республик, краев, областей, районов. В подтверждение такой оценки массовых репрессий можно привести множество фактов. Вот лишь некоторые из них.

27 августа 1937 года Политбюро постановило «разрешить Оренбургскому обкому отнести к первой категории репрессированных (т.е. расстрелять. — В.Т.) 3 500 человек»¹¹. Тем самым была удовлетворена просьба первого секретаря Оренбургского обкома ВКП (б) Петра Васильевича Митрофанова, изложенная в его шифрограмме: «Первоначальные данные по учету враждебных кулаков и уголовников оказались далеко неполными, преуменьшенными. Кроме того изъятию сейчас подвергнуты не только кулаки, но и другой активный контрреволюционный элемент. В связи с новыми данными учета просим разрешить отнести к первой категории не 1500, как нам утверждено, а 2500 контрреволюционеров и 1000 уголовников. Для нашей области, где белогвардейщина еще не выкорчевана, это необходимо. Уголовников у нас уже арестовано более 1500, причем каждый из них имеет не менее 2–3 судимости»¹².

А 1 октября 1937 года и сам 1-й секретарь Оренбургского обкома ВКП (б) П.В. Митрофанов был арестован по обвинению «в совершении террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций» (ст. 58⁸ УК РСФСР), и в организационной деятельности, направленной к подготовке или совершению государственных преступлений (ст. 58¹¹). 28 января 1937 года он был приговорен выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР к расстрелу вместе с группой должностных лиц местных органов власти¹³.

---

¹¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) об увеличении лимита тройке по Оренбургской области. 27 августа 1937 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 330.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 578. Л. 119.

¹³ 26 мая 1956 г. П.В. Митрофанов, принимавший активное участие в массовых репрессиях против своего народа, был реабилитирован и объявлен таким образом жертвой политических репрессий. Имя этого палача вошло под номером 3732 в

15 сентября 1937 года в ЦК ВКП (б) была получена шифровка от первого секретаря Калининского обкома Петра Гавриловича Рабова: «Прошу разрешить судить кулаков по первой категории еще одну тысячу пятьсот»¹⁴. Решением, датированным следующим днем, Политбюро приняло это предложение»¹⁵. 23 сентября 1938 года П.Г. Рабов был арестован. 16 февраля 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его за преступления против государства к 20-летнему заключению в исправительно-трудовой колонии. Там и завершилась его жизнь 13 марта 1943 года.

26 сентября 1937 года 1-й секретарь Дагестанского обкома ВКП (б) Нажмуддин Панахович Самурский направил на имя И.В. Сталина шифrogramму, в которой сообщил: «Следствие органов НКВД показывает, что лимит для беглых кулаков и антисоветских элементов недостаточен, что выдвигает необходимость увеличения лимита по обеим категориям. Дагобком просит увеличить лимит 1 категории вместо установленного ЦК ВКП(б) 10 июля с.г. 600 до 1200 и 2 категории вместо 2478 до 3300»¹⁶. Политбюро утвердило это предложение в тот же день¹⁷. Но 30 сентября 1937 года Н.П. Самурский был арестован по обвинению в государственных преступлениях. 1 августа 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере уголовного наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день¹⁸.

Не пережил период массовых репрессий и 1-й секретарь Кировского обкома ВКП (б) Михаил Наумович Родин. В отличие от первых секретарей

«Книгу памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области», изданной в 1998 г. Оренбургской организацией движения «Мемориал».

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 579. Л. 35.

¹⁵ Из протокола № 53 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) об увеличении лимита Калининской обл. 16 сентября 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 тт. Том 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. М., 2004. С. 364.

¹⁶ Телеграмма секретаря Дагестанского обкома ВКП(б) Н. Самурского И.В.Сталину об увеличении лимита. 26 сентября 1937 г. // Там же. С. 368.

¹⁷ Из протокола № 54 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) об увеличении лимита Дагестану. 26 сентября 1937 г. // Там же.

¹⁸ 2 июня 1956 г. Н.П. Самурский был реабилитирован. 23 августа 2013 г. Р. Абдулатипов, в тот период президент Дагестана, издал указ о сооружении памятника палачу дагестанского народа Н.П. Самурскому в гор. Махачкале, но этот странный проект так и не был реализован.

Оренбургского, Калининского и Дагестанского обкомов ВКП (б) он не входил в состав тройки. Вместо него в работе этого внесудебного органа, приговаривавшего к расстрелу или длительным срокам лишения свободы, участвовал (наряду с начальником Кировского УНКВД и заместителя областного прокурора) на основании приказа № 00447 второй секретарь Кировского обкома Ф.П. Наумов¹⁹. Однако после того как тройка выполнила установленный для Кировской области план по репрессиям, именно М.Н. Родин обратился в ЦК ВКП (б) с ходатайством об увеличении лимита по первой категории (для расстрела) дополнительно на 300 человек и по второй категории (на лишение свободы) дополнительно 1000 человек²⁰. В Москве его шифровку получили 21 октября 1937 года. 25 октября Политбюро по инициативе Сталина приняло решение «увеличить количество репрессированных по Кировской обл. по 1 категории на 500 чел., а по 2 категории — на 800 чел.»²¹.

11 мая 1938 года 1-й секретарь Кировского обкома М.Н. Родин был арестован по обвинению в государственных преступлениях и 28 июля на основании вынесенного в этот день приговора Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян²².

Еще одна поучительная история, показывающая как легко в процессе массовых репрессий палачи становились жертвами, произошла в 1937 году в Казахской Советской Социалистической Республике. 3 октября 1937 года из Алма-Аты от первого секретаря ЦК КП Казахстана Левона Исаевича Мирзояна поступила в Москву, в ЦК ВКП (б) на имя Сталина, шифрограмма следующего содержания: «По антисоветским элементам лимит для подлежащих расстрелу для Казахстана был определен 2500 человек. Это количество полностью использовано и области ставят вопрос о дополнительном контингенте. Казахстан исключительно засорен активным антисоветским элементом не только местного происхождения, но и пришлым (спецпереселенцы, выселенные из пограничных областей

---

¹⁹ После того как Наумов был освобожден от должности секретаря, его заменил в тройке заведующий Отделом руководящих партийных органов обкома Г.П. Опарин.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 581. Л. 185.

²¹ Из протокола № 54 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) об увеличении лимита по Кировской обл. 25 октября 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. С. 384.

²² 11 февраля 1956 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила этот приговор, объявив об отсутствии в действиях М.Н. Родина состава преступления.

всех границ Союза, ссылка и т.д.). Кроме того за 1937 год вскрыты многочисленные антисоветские группы и организации националов, панисламистов, русского казачества, повстанческая низовка эсеров, правых, троцкистов и др. и изъято свыше шести тысяч активного диверсионного элемента. Так как установленный для нас лимит подлежащих расстрелу в 2500 человек оказался крайне недостаточным прошу разрешить через тройки расстрелять дополнительно еще 3500 человек»²³. 4 октября 1937 года Политбюро постановило: «Принять предложение ЦК КП(б) Казахстана об увеличении количества репрессированных по 1 категории по Казахской ССР дополнительно на 3500 чел.»²⁴.

Л.И. Мирзоян на этом не остановился. 14 ноября 1937 года он отправил Сталину новую шифровку, в которой сообщил: «По антисоветскому элементу нам был дан лимит по первой категории 6000 человек и по второй категории 5000 человек. Эти лимиты нашими областями использованы почти полностью. Но однако антисоветского элемента органами НКВД арестовано гораздо больше... Исходя из этого мы просим ЦК ВКП(б) дать Казахстану дополнительный лимит по антисоветскому элементу в количестве 5000 человек, из коих по первой категории 2000 человек и по второй категории 3000 человек»²⁵. 17 ноября Политбюро утверждает это предложение²⁶.

Однако уже 1 декабря 1937 года из Алма-Аты в Москву, в ЦК ВКП (б) товарищу Сталину пришла еще одна шифровка Л.И. Мирзояна – на этот раз с просьбой разрешить дополнительно репрессировать «по первой категории 600 человек и по второй категории 1 тысячу человек»²⁷. 3 декабря Политбюро утвердило это предложение²⁸.

---

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 580. Л. 152.

²⁴ Из протокола № 54 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) об увеличении лимита Казахстану.

4 октября 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание... С. 376.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 583. Л. 29.

²⁶ Из протокола № 55 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). 17 ноября 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание... С. 385.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 583. Л. 117.

²⁸ Из протокола № 55 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) об увеличении лимитов по Казахстану и Дагестану. 3 декабря 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание... С. 385.

В середине мая 1938 года Л.И. Мирзоян был снят с должности и вызван в Москву. 23 мая его арестовали по обвинению в государственных преступлениях. 26 февраля 1939 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила бывшего 1-го секретаря ЦК КП Казахстана к расстрелу²⁹.

Приведенные случаи показывают, что политика высшего руководства ВКП (б) по отношению к местным партийным секретарям и руководителям местных органов внутренних дел была неоднозначной. Настаивая на более активном их участии в массовых репрессиях и безоговорочно уступая их просьбам, часто неоднократным, об увеличении лимитов на лишение свободы и расстрелы, потворствуя их кровожадности, Сталин и его соратники в то же время уничтожали наиболее рьяных из палачей.

Ярким примером такой политики высшего партийного руководства служит дело репрессированного кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП (б) первого секретаря Куйбышевского обкома *Павла Петровича Постышева*.

В датированном 9 февраля 1956 г. «Докладе Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии» причиной расстрела П.П. Постышева было названо его выступление в защиту арестованного за связь с троцкистами второго секретаря Ростовского обкома А.А. Карпова³⁰. «На февральско-мартовском Пленуме ЦК в выступлениях ряда членов ЦК по существу высказывались сомнения в правильности намечавшегося курса на массовые репрессии под предлогом борьбы с “двурушниками”, — было отмечено в этом документе, — Наиболее ярко эти сомнения были выражены в выступлении тов. Постышева П.П.». Далее приводилось следующее высказывание Постышева: «Я лично думаю, что в 1934 году здоровому члену партии, который прошел длительный путь ожесточенной борьбы с врагами за дело партии, за социализм, попасть в стан врагов невероятно. Я этому не верю... Я себе не представляю, как

²⁹ 10 ноября 1955 г. Л.И. Мирзоян был реабилитирован и пополнил список «жертв» политических репрессий.

³⁰ 2-й секретарь Ростовского обкома ВКП (б) Александр Алексеевич Карпов был арестован 16 декабря 1936 г. 15 марта 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР признала его виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58⁸ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР и приговорила к высшей мере уголовного наказания. В тот же день он был расстрелян. 17 ноября 1956 г. Этот приговор был отменен за отсутствием в действиях А.А. Карпова состава преступления.

можно пройти тяжелые годы с партией и потом в 1934 году пойти к троцкистам. Странно это...". После этой фразы в докладе задавался риторический вопрос: «Не в этом ли смелом, большевистском выступлении П.П. Постышева истинная причина его гибели?»³¹.

Версию о «смелом» выступлении Постышева в защиту арестованного 2-го секретаря Ростовского обкома Карпова повторил Н.С. Хрущев в докладе «О культе личности и его последствиях», сделанном на закрытом заседании XX съезде КПСС в последний день его работы – 25 февраля 1956 года. «На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) в 1937 году, – сказал он, – многие члены действительно сомневались в правильности принятого курса в отношении репрессий под предлогом борьбы с “двурушничеством”. Товарищ Постышев очень удачно выразил эти сомнения. Он сказал: “... Я лично не верю, что в 1934 году честный член партии, прошедший долгий путь неуклонной борьбы против врагов за партию и социализм, оказался бы в лагере врагов. Я не верю этому. Я не могу представить себе, как было возможно идти с партией в течение тяжелых лет и потом, в 1934 году, примкнуть к троцкистам. Это странно”»³².

На самом деле Постышев в своем выступлении на февральско-мартовском пленуме 1937 года³³ осудил Карпова. И в «Докладе Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС» от 9 февраля 1956 года, и в докладе Хрущева «О культе личности и его последствиях» при цитировании высказывания Постышева заключительная фраза была приведена не полностью. После слов «странно это» Постышев сказал об арестованном Карпове: «Какой-то у него червь был все время. Когда этот червь у него появился – в 1926 ли г., в 1924 ли, в 1930 г., это трудно сказать, но, очевидно, червь какой-то был,

---

³¹ Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии. 9 февраля 1956 г. // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 1. Март 1953 – февраль 1956. М., 2000. С. 347.

³² Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культе личности и его последствиях». М., 1959. С. 22.

³³ П.П. Постышев занимал в то время должность 2-го секретаря ЦК КП Украины. Исполнять обязанности 1-го секретаря Ростовского обкома ВКП (б) он начал 18 марта 1937 г.

который какую-то работу проделал для того, чтобы он попал в стан врагов»³⁴.

Протоколы заседаний февральско-мартовского пленума зафиксировали множество реплик, замечаний, вопросов Постышева во время выступлений членов ЦК, которыми он открыто демонстрировал свое крайне агрессивное, враждебное отношение к антисталинской оппозиции, в том числе к Бухарину и Рыкову.

Документы показывают, что Постышев был репрессирован не за то, что защищал арестованных большевиков, а напротив, за чрезвычайное рвение в поиске «врагов народа». Результатом этого рвения стал арест сотен работников партийных комитетов и исполнительных комитетов советов Куйбышевской области. 34 райкома ВКП (б) пришлось распустить, так как всех их членов Постышев объявил врагами и они были арестованы органами внутренних дел. За различные прегрешения, чаще всего надуманные, из партийной организации Куйбышевской области было исключено более трех тысяч коммунистов.

Масштабы разоблачительной деятельности Постышева, приводившие к массовым арестам и расстрелам сотен ни в чем не повинных партийных работников и сотрудников различных учреждений и предприятий Куйбышевской области, поразили даже высшее руководство ВКП (б). Начался сбор сведений о происходившем в Куйбышевской области. В начале октября 1937 года в ЦК был вызван 2-й секретарь Куйбышевского обкома Н.Г. Игнатов. Он сообщил, что в областной партийной организации 1-й секретарь из-за своей чрезмерной подозрительности не пользуется доверием, его сверхактивная деятельность по разоблачению врагов кажется провокационной.

В результате Политбюро ЦК ВКП (б) приняло 9 января 1938 года решение освободить Постышева с поста секретаря обкома за «политически вредные» и «явно провокационные» действия³⁵. 14 января на пленуме ЦК ВКП (б) был рассмотрен вопрос «О грубых политических ошибках бюро Куйбышевского областного комитета ВКП (б) и его бывшего первого секретаря т. Постышева». 2-й секретарь Куйбышевского обкома Н.Г. Игнатов

---

³⁴ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 5-6. С. 4.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Л. 55

признал во время разбирательства дела Постышева на январском пленуме ЦК, что первые пять месяцев своей работы на посту 1-го секретаря обкома Постышев никакой борьбы с врагами не вел. Ретиво разоблачать враждебную деятельность в партийном и советском аппаратах, на предприятиях, в школах и в других учреждениях Куйбышевской области он стал только после того, как приехавший в Куйбышев с проверкой в августе 1937 г. секретарь ЦК А.А. Андреев сказал ему: «Тов. Постышев, Центральный Комитет считает, что борьбы у вас с врагами нет, что вам надо мобилизовать куйбышевскую парторганизацию на разоблачение врагов. Дела у вас неважные»³⁶. Постышев воспринял это замечание как приказа найти как можно больше врагов и бросился с великим усердием его исполнять. У него появился другой стиль руководства, сообщил Игнатов, — он «везде и всюду начал кричать, что нет порядочных людей [...]. Стал кричать, что везде и всюду враги [...]»³⁷.

Факты, которые привел 2-й секретарь Куйбышевского обкома, свидетельствовали о крайнем, похожем на умопомешательство, самодурстве Постышева. «У нас две недели, — рассказал Игнатов, — все секретари городских райкомов и весь аппарат райкомов в городе Куйбышеве бегали с лупами. Постышев берет лупу, вызывает к себе представителя райкома и начинает рассматривать тетради, все тетради у нас оборвали, на обложках находили фашистскую свастику и дошли до того, что на печеньях есть олени — фашистские значки, на конфетах карамель, там цветок, это тоже фашистский значок»³⁸.

На пленуме ЦК 14 января 1938 года Постышев пытался оправдаться, но безуспешно. Его действия по разоблачению столь большой массы врагов в своей партийной организации были охарактеризованы крайне отрицательно. Сталин же оценивая факт роспуска в Куйбышевской области 34 райкомов партии, высказался предельно жестко: «Это расстрел организации.. К себе они мягко относятся, а районные организации они расстреливают... Это значит — поднять партийные массы против ЦК, иначе это понять нельзя»³⁹.

---

³⁶ Из стенограммы заседания Пленума ЦК ВКП (б). 14 января 1938 г. // Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 164.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

По предложению Сталина Постышев был выведен пленумом ЦК из кандидатов в члены Политбюро, но оставлен членом ЦК.

Подготовленная Постышевым для своего оправдания и представленная в ЦК 16 января 1938 года на 97 листах «Докладная записка о проведённой работе по разоблачению врагов народа и ликвидации последствий вредительства в Куйбышевской области»⁴⁰ фактически подтвердила оценку его действий руководством ВКП (б) как «политически вредных» и «явно провокационных». Бывший 1-й секретарь Куйбышевского обкома писал в ней: «В начале сентября 1937 года Куйбышевским горкомом ВКП (б) был проведен расширенный пленум горкома ВКП (б). На пленуме вскрыт целый ряд дополнительных вредительских гнезд. Пленум горкома ВКП (б) исключил из партии Сусмана – бывшего второго секретаря горкома, Кутузова – бывшего третьего секретаря горкома, Николаева – бывшего секретаря Керенского райкома, переведенного на работу в Куйбышевский горком, Лебедева Ф.Г., Соскинда С.М., Богатова, которые были замешаны в пособничестве врагам народа – вредителям. В связи с разоблачением шайки врагов народа в областном центре пленум вывел из состава горкома Нельке, Полбицына, Левина, Сегала, Моложаева, Корацио, Костромитина, Каверина, Семенова, Куканова, Брук, Глухова, Плодухина, Ключева, Смирнова, Файнштейна, Байдалину, Малинистова, Бордауса и Фигарь. Пленум поручил проверить материалы и обсудить дополнительно вопрос о партийности Левочкиной, Куканова, Бордаус, Мордовина, Злобина, Рудакова, Глухова, Плодухина, Ключева, Файнштейна, Алексина, Панова и Лудзяка. Все эти лица, за небольшим исключением, из рядов партии исключены и изолированы органами НКВД.

В результате проверки состояния райкомов г. Куйбышева оказалось, что все они возглавлялись врагами народа и были засорены их приспешниками».

Прошедший 29 и 30 января 1938 года пленум Куйбышевского обкома ВКП (б) признал, что «ЦК ВКП (б) совершенно правильно указал на то, что Куйбышевский обком ВКП (б) допустил произвол и дезорганизаторство в отношении районных партийных организаций, приняв политически вредные, по своим последствиям явно провокационные решения об

---

⁴⁰ Этот документ хранится Самарский областной государственный архив социально-политической истории – СОГАСПИ. Ф-656. Оп.15. Д. 1. Л. 1 – 97.

огульном роспуске, без всяких на то оснований и без ведома ЦК ВКП (б) 34 районных комитетов партии», и поддержал освобождение Постышева «от работы секретаря обкома»⁴¹.

Присутствовавший пленуме секретарь ЦК А.А. Андреев 31 января сообщил Сталину: «Дело не ограничилось только роспуском райкомов: не мало есть фактов роспуска первичных организаций и исключения пачками по непроверенным заявлениям депутатов из горсоветов и райсоветов. За время с августа месяца исключено из партии около трех тысяч человек, значительная часть которых исключалась без всяких оснований как враги народа или пособники. На пленуме обкома секретари райкомов приводили факты, когда Постышев прямо толкал на произвол и требовал от них исключения и ареста честных членов партии или за малейшую критику на партсобраниях руководства обкома, а то и без всяких оснований. Вообще весь тон задавался из обкома»⁴².

4 февраля Андреев дополнительно сообщил, что в Куйбышевской области началась проверка, «нет ли произвольных арестов. Оказалось много фактов произвольных арестов по областной и районной прокуратуре. Так как органы НКВД оказывали известное сопротивление произволу, идущему от обкома и секретарей РК, ныне разоблаченных как врагов народа, то арестовывали без основания через областного и районных прокуроров. За прокуратурой имеется 250 человек, арестованных по ст. 58. Все эти дела мы перечислили за НКВД, с поручением через свой следственный аппарат проверить каждый арест»⁴³.

10 февраля 1938 года Политбюро приняло решение передать дело Постышева вместе с компрометирующими материалами на него, поступившими от НКВД и куйбышевской организации на рассмотрение Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). 17 февраля Политбюро направило членам ЦК ВКП (б) заключение Комиссии, в котором Постышев обвинялся в расправах над честными коммунистами и в потворстве настоящим врагам народа. Путем опроса было получено решение об исключении Постышева из ЦК и партии. В ночь с 21 на 22 февраля 1938 года

---

⁴¹ Протокол заседания второго пленума Куйбышевского областного комитета ВКП (б) // СОГАСПИ, Ф-656, оп.2, д.139. Л. 2–3.

⁴² А. А. Андреев — И. В. Сталину. 31 января 1938 г. // Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 387.

⁴³ А. А. Андреев — И. В. Сталину. 4 февраля 1938 г. // Там же. С. 388.

его арестовали. 26 февраля 1939 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила П.П. Постышева к расстрелу.

Палач превратился в жертву... Закон был попран — справедливость восторжествовала!

2

Схватка с местными партийными секретарями, в которую Сталин со своими соратниками вступил весной 1937 года, была для него чрезвычайно опасной. Под властью руководителей республиканских, краевых и областных комитетов коммунистической партии фактически находились местные исполнительные комитеты советов народных депутатов, директора хозяйственных предприятий, начальники различных учреждений. Наиболее влиятельные из партийных секретарей входили в состав ЦК ВКП (б) и, объединившись, вполне могли простым голосованием удалить Сталина из состава партийного руководства и даже исключить из партии⁴⁴. Однако этого объединения не произошло. Напротив, многие руководители республиканских, краевых и областных комитетов ВКП (б) стали активными участниками репрессивных операций против подчиненных им партийных секретарей, руководящих работников местных советов, государственных учреждений и хозяйственных организаций.

Что же касается членов ЦК ВКП (б), то они безропотно голосовали за исключение своих товарищей из состава этого органа и из партии и даже за их аресты как на февральско-мартовском, так и на июньском Пленумах ЦК ВКП (б) 1937 года. На Пленуме, проходившем 11–12 октября 1937 года Сталин выступил с речью, в которой сообщил, что за период с июньского Пленума выбыло и было арестовано 8 членов ЦК (Зеленский, Лебедь, Носов, Пятницкий, Хатаевич, Икрамов, Криницкий, Варейкис). «По рассмотрении всех материалов, — заметил он, — оказалось, что эти люди, они — враги

---

⁴⁴ Сталин хорошо понимал, какое значение имели партийные руководители среднего уровня. Лидер болгарских коммунистов Г.М. Димитров записал в своем дневнике его застольный тост на праздничном обеде 7 ноября 1937 г., в котором прозвучала следующая мысль: «Очень много говорится о великих вождях. Но дело не побеждает, если нет условий для этого. При этом — главное в средних кадрах — партийных, хозяйственных, военных. Они выбирают вождя, они разясняют позиции массам, они обеспечивают успех дела» (Из дневника Г. М. Димитрова // Застольные речи Сталина. Документы и материалы / Вступ. статья, сост., коммент. В.А. Неvejeва. М.-СПб., 2003. С. 148–149).

народа»⁴⁵. Пленум спокойно принял к сведению это сообщение. «Из кандидатов в члены ЦК, — продолжил свое выступление Сталин, — за этот период выбыло, арестовано — 16 человек». Далее он указал, что один из них, по фамилии Дерibas, оказался японским шпионом, Серебровский — шпионом, а Розенфельд — немецким, английским и японским шпионом оказался»⁴⁶. Участники Пленума, судя по репликам в протоколе заседания, очень удивились этому сообщению, но тем не менее возражений не высказали.

Репрессии 1937–1938 годов против руководителей партийных комитетов, советских органов и учреждений, хозяйственных предприятий и т.д. повлекли за собой почти полную замену правящего слоя СССР. В составленном в начале февраля 1956 года. «Докладе Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б)» констатировалось: «Волна массовых репрессий 1937-38 годов широко захватила руководящих работников партийных, советских органов, хозяйственных организаций, а также командный состав в армии и органах НКВД. В большинстве республик, краев и областей в эти годы было арестовано почти все руководство партийных и советских органов, а также значительное количество руководителей городских и районных организаций. В ряде крайкомов, обкомов и райкомов партии за это время были подвергнуты арестам 2–3 состава руководящих работников. Более того, из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на 17-ом съезде, было арестовано и расстреляно в эти годы 98 человек. Поражает тот факт, что для всех преданных суду членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) была избрана одна мера наказания — расстрел, что ни одного из них не оставили в живых. Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях 1103 человек, из них расстреляно 848»⁴⁷.

---

⁴⁵ Из стенограммы заседания пленума ЦК ВКП (б). 12 сентября 1937 г.
// Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 157.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии. 9 февраля 1956 г. // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. М., 2000. С. 317.

Вся вина за массовые расстрелы руководящих работников партийного и государственного аппарата возлагалась в упомянутом докладе Комиссии ЦК КПСС только на Сталина⁴⁸, между тем реальная картина репрессий, отраженная в документах и воспоминаниях современников этих трагических событий в жизни Советского государства, показывает, что партийные секретари не были жертвами, пассивно наблюдавшими за тем, как их товарищей арестовывали и осуждали на расстрел, а сами (за редким исключением) активно искали врагов в своей среде, неистово их разоблачали и без всякой жалости отправляли на гибель. В то время большевистская партия, состоявшая из людей самого разного социального происхождения и мировоззрения, выросших в рамках разных культурных традиций, представляла собой в высшей степени конфликтное политическое сообщество, полное внутренних противоречий. И правящий слой Советского Союза в действительности переживал в 1937–1938 годах трагедию не истребления, а *самоистребления*⁴⁹.

Данная трагедия была в значительной мере predetermined характером сложившегося к середине 1930-х годов кадрового состава советского партийного и государственного аппарата. Ведущие позиции в нем занимали «старые большевики», сознание которых сформировала Октябрьская революция и Гражданская война. Ориентация на разоблачение и уничтожение врагов была запрограммирована в их личностях.

---

⁴⁸ В заключительной части доклада от 9 февраля 1956 г. делался следующий вывод: «Как могло получиться, что враги партии, пробравшиеся к руководству НКВД, смогли использовать эти органы против партии, против руководящих партийных кадров?»

Это могло произойти, как показывают многочисленные факты и документы, прежде всего потому, что Центральный Комитет партии, как коллективный орган, был фактически устранен от влияния на органы НКВД. Позорные дела, творившиеся в стенах органов НКВД, проводились, якобы, с санкции и даже “в интересах партии”. На самом же деле это делалось в угоду одному человеку, а иногда по его прямым указаниям. Вот к чему привел антимарксистский, антиленинский “культ личности”, созданный безграничным восхвалением и возвеличением И. В. Сталина» (там же. С. 348).

⁴⁹ Академик В.И. Вернадский, внимательно наблюдавший за тем, что происходило в Советском государстве, записал 30 июня 1938 г. в свой дневник: «Впервые и кругом чувствуется беспокойство за прочность совершающегося. За этот промежуток все углубляется грозное разъединение государственного механизма. Продолжается **самопоедание коммунистов** и выдвижение новых людей — без традиций, желающих власти и земных для себя благ» (выделено мной. — В.Т.) (Вернадский В.И. Дневник 1938 г. // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Том 1: От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 469).

Однако сами по себе эти свойства большевистского правящего слоя не способны были запустить процесс его самоистребления. Репрессии против его представителей, причем и самых влиятельных, могли приобрести массовый характер лишь при наличии прочных идеологических оснований и вследствие сознательных, планомерных и последовательных усилий в этом направлении со стороны высшего руководства ВКП (б).

Идеологические основания для проведения массовых репрессий против должностных лиц партийного и государственного аппарата создал февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП (б) 1937 года. Он придал борьбе с врагами в правящем слое Советского государства значение важнейшего направления партийной и государственной политики.

Помимо дела Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова, на этом партийном форуме был рассмотрен вопрос об «уроках вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов». Выступая 3 марта с докладом по нему, секретарь ЦК ВКП (б) Сталин заявил, что из произнесенных на Пленуме речей можно сделать три основных вывода: «Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные. Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты. В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи, как в центре, так и на местах, не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты»⁵⁰.

Сталин указал на идеологическую немощь партийных руководителей, их неспособность понять сложившуюся вокруг них и во внешнем мире новую политическую обстановку. Главным фактом, определяющим ее характер, секретарь ЦК назвал враждебное по отношению к Советскому Союзу окружение капиталистических стран. «Капиталистическое окружение, — счел необходимым пояснить он, — это не пустая фраза, это очень реальное

---

⁵⁰ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 3 марта 1937 года. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 3.

и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран — буржуазных стран, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае, подорвать его мощь и ослабить его»⁵¹.

Неспособность местных партийных секретарей вести эффективную борьбу с врагами Сталин объяснил их чрезмерной увлеченностью хозяйственными делами и проистекающим отсюда непониманием, что партийная работа есть по своей сущности деятельность политическая, а не хозяйственная.

Напечатанная 9 марта 1937 года передовая статья газеты «Правда» с примечательным названием: «Сущность большевистского руководства» связала прозвучавшие в речи Сталина новые требования к руководителям партийных комитетов прежде всего с принятой в декабре 1936 года Конституцией СССР, ведущей «к дальнейшему усилению политической активности трудящихся, к еще большему расцвету советской демократии», к приобщению новых слоев населения к управлению государством. Развивая мысль Сталина о политической сущности партийной работы и о главной ее задаче, редакция предельно резко обвинила партийных секретарей, забывающих о борьбе с врагами: «Не секрет, что многие секретари партийных комитетов стали больше походить на инженеров, агрономов, бухгалтеров и перестали помнить о том, что они возглавляют партийные организации, задача которых направлять, руководить советскими хозяйственными организациями. Забыли о том, что **они должны быть политическими вожаками масс, умеющими вовремя распознавать и обнаруживать врага.** Нужно ли доказывать, что увлечение хозяйственной работой и забвение партийно-политических вопросов — дело гибельное для нас. Коль скоро партийная организация превращается в производственно-техническую, она теряет правильную политическую ориентировку, коммунисты забывают о капиталистическом окружении, о врагах,

---

⁵¹ Там же. С. 5.

становятся делягами, не видящими ничего дальше своего носа»⁵² (выделено мною. — В.Т.).

Подлинный смысл критики партийного и государственного аппарата в речи Сталина и в передовой статье газеты «Правда» прояснился уже в апреле 1937 года, когда началась массовые аресты руководителей партийных и государственных органов. Почти все они, как оказалось, утратили бдительность и не вели активной борьбы с правыми и троцкистами, то есть им вменялись в вину именно те преступления, на которые ранее указал Сталин. Многих арестованных руководителей уличили в участии в тайной правотроцкистской организации⁵³. Но самым тяжким являлось обвинение в соотрудничестве с иностранными разведками, и оно появилось не случайно.

Во второй половине 1936-го — в начале 1937 года на международной арене произошли события, свидетельствовавшие о нарастании внешних угроз для Советского Союза. 25 октября 1936 года в Берлине было заключено соглашение между Италией и Германией о проведении согласованной внешней политики, учитывающей интересы обеих стран. Итальянское правительство обязалось «поддерживать дипломатическими средствами усилия Германии, направленные на получение ею колоний с целью создания собственной сырьевой базы»⁵⁴. Германия, в свою очередь, признала насильственное присоединение Абиссинии к Италии. Оба правительства приняли на себя обязательство «как можно скорее признать де-факто националистическое испанское правительство», созданное в результате мятежа против законного народного правительства Испании, и констатировали, что «наибольшей угрозой для мира и безопасности в Европе является коммунизм» подтвердив намерение «направить все свои

---

⁵² Сущность большевистского руководства // Правда. 1937. № 67 (7033). 9 марта. С. 1.

⁵³ В качестве одного из таких случаев можно привести, например, обвинение, выдвинутое против второго секретаря Куйбышевского обкома ВКП (б) А.А. Левина. 14 августа 1937 г. он был решением Политбюро заменен на этом посту Н.Г. Игнатовым. Три дня спустя секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Андреев сообщил Сталину из Куйбышева: «Как выяснилось, Левин тормозил очистку партийного и советского аппарата от право-троцкистских элементов, некоторых защищал и сам выдвигал на работу. На Левина есть показания, что он вместе с Шубриковым был активным участником краевого право-троцкистского центра» (А.А. Андреев — И.В. Сталину. 17 августа 1937 г. // Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг. М., 1999. С. 366).

⁵⁴ Берлинский протокол, 25 октября 1936 г. // Великая Победа: в 15 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Том 1. Канун трагедии. М., 2015. С. 264.

силы на борьбу против коммунистической пропаганды и активизировать свою деятельность в этом направлении»⁵⁵.

Агрессивный характер возникшего союза был очевиден. Заметка о нем в газете «Правда» за 26 октября 1936 года вышла под названием «Сговор фашистских интервентов»⁵⁶. В размещенной на той же странице статье «Итало-германский протокол» корреспондент Дж. Гольдхилл утверждал: «У нас еще нет подробных данных о содержании итало-германского протокола. Но те сведения, которые имеются, показывают, что “общность” интересов германского и итальянского фашизма, продемонстрированная в подписанном протоколе, носит характер далеко не конструктивный, как выражаются дипломаты, а разрушительный. Общность интересов германского и итальянского фашизма заключается в том, что их политика направлена к подрыву мира и всеобщей безопасности, к разрушению Лиги Наций, к удушению Испанской республики»⁵⁷.

В номере «Правды», вышедшем на следующий день, 27 октября, была опубликована статья об откликах лондонских правительственных газет на заключенное Италией и Германией внешнеполитическое соглашение. Из текста следовало, что правительство Великобритании увидело в данном событии исходный пункт создания нового блока, который, «помимо его специфических фашистских черт, является инструментом борьбы за ускоренное решение вопроса о переделе мира»⁵⁸.

25 ноября 1936 года к германо-итальянскому союзу присоединилась Япония, заключив с Германией соглашение, направленное в основном своем тексте против Коммунистического Интернационала, а в секретном дополнительном протоколе предусмотревшее объединение усилий фашистских государств и против Советского Союза⁵⁹.

30 января 1937 года фюрер и рейхсканцлер Германского рейха Адольф Гитлер выступил в Рейхстаге с трехчасовой речью, в которой обрушился на

---

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ 1936. № 296 (6902). 26 октября. С. 5.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Ерухимович И. Похоронный звон над Локкарно. Английская печать об итало-германском протоколе (по телефону от лондонского корреспондента «Правды») // Правда. 1936. № 297 (6903). 27 октября. С. 5.

⁵⁹ Германо-японское «Соглашение против Коммунистического Интернационала», 25 ноября 1936 г. («Антикоминтерновский пакт») // Великая Победа. Т. 1. Канун трагедии. С. 265–266.

большевизм и заявил о притязаниях Германии на владение колониями⁶⁰. В газете «Правда» при освещении этой речи особое внимание было обращено на сделанное Гитлером объявление о том, что он «снимает германскую подпись» под той частью Версальского договора, которая содержит признание Германией ее «ответственности за войну»⁶¹.

Сталин внимательно наблюдал за событиями, происходившими в Германии. В публичных выступлениях Гитлера с постоянными нападками на большевизм и настойчиво повторявшимися требованиями колоний для Германии трудно было не распознать начало идеологической подготовки немцев к военному походу против СССР.

В архивном фонде Сталина сохранились сделанные специально для него переводы на русский язык речей германского фюрера. Их содержание не оставляло сомнений в том, что расширение «жизненного пространства (Lebensraum)», о котором Гитлер писал еще в своем программном произведении «Mein Kampf», Германия будет стремиться осуществить за счет территории Советского Союза, и причем в ближайшем будущем.

Так, выступая 12 сентября 1936 года с речью на годовом собрании немецкого Трудового фронта, Гитлер говорил: «Если бы Урал с его неизмеримыми сырьевыми сокровищами, Сибирь с ее богатыми лесами и Украина с ее неизмеримыми посевными площадями находились в

---

⁶⁰ Дословно Гитлер сказал о необходимости для Германии колоний следующее: «Deutschland lebt heute in Zeiten eines schweren Kampfes um Lebensmittel und Rohstoffe. Ein genügender Einkauf wäre nur denkbar bei einer fortgesetzten und dauernden Steigerung unserer Ausfuhr. Also wird die Forderung nach Kolonien in unserem so dicht besiedelten Land als eine selbstverständliche sich immer wieder erheben (Германия сегодня живет во времена тяжелой борьбы за продовольствие и сырьевые материалы. Достаточный импорт был бы мыслим только при устойчивом и непрерывном увеличении нашего экспорта. Таким образом, само собой разумеется, что требование колоний в нашей столь густонаселенной стране всегда будет подниматься снова и снова)» (*Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Theil 1. Triumph. Zweiter Band 1935–1938. Leonberg, 1988. S. 673*).

⁶¹ Климов А. Выступление Гитлера в Рейхстаге (По телефону от берлинского корреспондента «Правды») // Правда. 1937. № 30 (6996). 31 января. С. 4. Дословно Гитлер сказал об этом следующее: “Ich ziehe damit vor allem aber die deutsche Unterschrift feierlichst zurück von jener damals einer schwachen Regierung wider deren besseres Wissen abgepreßten Erklärung, daß Deutschland die Schuld am Kriege besitze (Тем самым я, прежде всего, торжественно возвращаю немецкую подпись от того слабого правительства, которое в то время сопротивлялось его лучшим знаниям, было высказано заявление о том, что Германия несет вину в войне)» (*Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Theil 1. Triumph. Zweiter Band 1935–1938 / Herausgegeben von Max Domarus. Leonberg, 1988. S. 667*)

Германии, то под национал-социалистическим руководством Германия купалась бы в изобилии. Мы производили бы, каждый отдельный немец имел бы больше, чем надо для жизни. немцу было бы более чем достаточно, чтобы жить. В России же население этих широких областей умирает с голоду, потому что еврейско-большевистское руководство неспособно организовать производство и таким образом практически помочь рабочему»⁶². Составитель сборника речей германского фюрера Макс Домарус в своем комментарии к этим словам заметил, что в мыслях своих Гитлер «видел Россию уже принадлежащей немецкому рейху»⁶³.

Текст данной речи, напечатанный 13 сентября 1936 года в газете *Völkischer Beobachter* (в дословном переводе — «Народный обозреватель». — В.Т.), был переведен для Сталина и в настоящее время хранится в РГАСПИ⁶⁴. Его изложение заканчивалось примечанием: «30 тысяч делегатов германского трудового фронта вскакивают и устраивают вождю восторженную овацию»⁶⁵.

В распоряжении Сталина был и перевод заключительной речи Гитлера на съезде национал-социалистической рабочей партии Германии, произнесенной 14 сентября 1936 года⁶⁶. Две трети выступления было посвящено опасностям советского большевизма и необходимости борьбы с ним⁶⁷.

Появление союза держав, ориентированных на войну, развивающих бурными темпами свою военную промышленность, формирующих мощную

---

⁶² «Wenn der Ural mit seinen unermesslichen Rohstoffschätzen, Sibirien mit seinen reichen Wäldern und die Ukraine mit ihren unermesslichen Getreideflächen in Deutschland lägen, würde dies unter nationalsozialistischer Führung im Überfluß schwimmen. Wir würden produzieren, jeder einzelne Deutsche würde mehr als genug zu leben haben. In Rußland aber verhungert die Bevölkerung dieser weiten Gebiete, weil eine jüdischbolschewistische Führung un fähig ist, die Produktion zu organisieren und so dem Arbeiter praktisch zu helfen» (Die Rede auf _der Jahrestagung der Deutschen Arbeitsfront am 12. September 1936 // *Hitler. Reden und Proklamationen 1932 – 1945*. S. 642).

⁶³ «Im Gedanken sah er Rußland schon zum deutschen Reich gehören» (ibidem).

⁶⁴ Сообщение «Фелькишер Beobachter» о выступлении Гитлера перед Германским трудовым фронтом в Нюрнберге 12 сентября [1936 г.] // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 302. Л. 7-14.

⁶⁵ Там же. Л. 14.

⁶⁶ Заключительная речь Гитлера на Нюрнбергском съезде 14 сентября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 302. Л. 130-158.

⁶⁷ Там же. Л. 135-153.

армию и ведущих агрессивную пропаганду против коммунизма, создало новую внешнеполитическую обстановку для Советского государства, в которой определяющим фактором стала для него все более возрастающая угроза вооруженного нападения со стороны фашистских государств Германии и Японии.

В этих условиях значительно возросла опасность внутренней политической оппозиции, которая противостояла не только Сталину и его соратникам в партийном и государственном руководстве, но и всей стране в целом. Вооруженное нападение Германии и Японии на СССР создавало для политической оппозиции возможность использовать в своих интересах военные неудачи высших руководителей страны для отстранения их от власти. Поэтому даже если политическая оппозиция не вступала в непосредственное предательское сотрудничество с представителями враждебных по отношению к Советскому государству иностранных держав, ее действия в обстановке нараставших для существования нашей страны внешних угроз вполне соответствовали интересам этих держав.

Поэтому вполне закономерно, что с конца 1936 года политическая оппозиция в Советском государстве начала ставиться в один ряд с внешними врагами страны⁶⁸, а ее вожди стали называться пособниками фашистских государств.

Формула обвинения против участников так называемого объединенного троцкистско-зиновьевского центра, представших 19 августа 1936 года перед Военной коллегией Верховного суда СССР, не содержала обвинений в

---

⁶⁸ 20 февраля 1937 г. Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Литвинову, Крестинскому поступила шифртелеграмма от советника Полномочного представительства СССР в Японии Н.Я. Райвида, в которой сообщалось, что в газете «Мияко» только что появилась заметка о прошедшем накануне заседании бюджетной комиссии Палаты депутатов, во время которого депутат Хитоси Асида спросил генерала Хадзимэ Сугияму: «Известна ли армии провозоспособность сибирской железной дороги». Сугияма ответил: «Известна, но сказать не могу». Асида спросил Сугияму: «Каким образом известно?» Ответ Сугиямы: «В России имеются элементы, находящиеся в оппозиции к нынешнему правительству и через них мы именно знаем». В ответ на запрос о номере газеты Н.Я. Райвид известил шифртелеграммой 27 февраля 1937 г., что номер газеты «Мияко» с приведенной заметкой у него имеется и что министерство внутренних дел Японии распорядилось о конфискации всего тиража номера газеты, в котором она была опубликована. (РГАСПИ. Шифртелеграммы Н.Я. Райвида из Токио. 20 февраля 1937 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп.171. Д. 294. Л. 55-57).

шпионаже или в каком-либо другом сотрудничестве с иностранными державами⁶⁹.

В формуле обвинения против участников антисоветского троцкистского центра, суд над которыми проходил спустя всего несколько месяцев — с 23 по 30 января 1937 года, такое обвинение оказалось самым главным и заняло три пункта. Подсудимым было вменено в вину «руководство преступной антисоветской, шпионской, диверсионной и террористической деятельностью, направленной на подрыв военной мощи СССР, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленении СССР»⁷⁰ и т.д. Их обвинили и в том, что они вступили «в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы против Советского Союза», пообещав им, «в случае своего прихода к власти, предоставить этим государствам целый ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок»⁷¹. В третьем пункте формулы обвинения было указано, что центр «систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки секретными сведениями важнейшего государственного значения»⁷².

Февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП (б) 1937 года окончательно утвердил представление о том, что внутригосударственная политическая оппозиция действует в сотрудничестве с внешними врагами страны, стремясь к разрушению своего государства. Это смешение внутренней оппозиции с внешними вражескими силами отразилось уже в самом

---

⁶⁹ Обвинительное заключение по делу Зиновьева Г.Е., Каменева Л.Б., Евдокимова Г.Е., Смирнова И.Н., Бакаева И.П., Тер-Ваганяна В.А., Мрачковского С.В., Дрейцера А.Е., Гольцмана Э.С., Рейнгольда И.И., Пикеля Р.В., Ольберга В.П., Бермана-Юрина К.Б., Фрица Давида (Круглянского И.И.), М. Лурье и Н. Лурье, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58⁸, 19, 58⁸ и 58¹¹ УК РСФСР // Стенограмма заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. 19 августа 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 381. Л. 18–18об.

⁷⁰ Обвинительное заключение по делу Пятакова Ю.Л., Радека К.Б., Сокольников Г.Я., Серебрякова Л.П., Маралова Н.И., Лившица Я.А., Дробниса Я.Н., Богуславского М.С., Князева И.А., Ратайчака С.А., Норкина Б.О., Шестова А.А., Строилова М.С., Турок И.Д., Граше И.И., Пушина Г.Е. и Арнольда В.В., обвиняемых в измене родине, шпионаже, диверсиях, вредительстве и подготовке террористических актов, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58–1а, 58–8, 58–9 и 58–11 УК РСФСР // Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 21.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

названии основного вопроса Пленума — «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов». В докладе по указанному вопросу, произнесенном 3 марта, Сталин выразил свое мнение предельно резко: «Наши партийные товарищи, — сказал он, — не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7–8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств»⁷³.

Нарастание внешних угроз требовало подчинения всего потенциала нашей страны интересам подготовки к их отражению. Экономике, обществу, политической организации, идеологии Советского Союза необходимо было придать мобилизационный характер, позволявший сосредоточить все ресурсы страны, как материальные, так человеческие для подготовки к обороне от внешнего нападения. Сталин понимал, что военного столкновения с фашистскими государствами, ориентированными на вооруженный захват и ограбление чужих территорий, Советскому Союзу не избежать. И, кажется, вполне осознавал, что на этот раз агрессивные силы Запада пойдут в военный поход на нашу страну не для того, чтобы ее **завоевать**, а для того, чтобы **уничтожить**.

Мобилизационному государству, призванному подготовить страну к войне и успешно провести ее через это испытание, требовались управленцы нового типа. Критикуя руководителей советских партийных и государственных органов на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б) 1937 года, Сталин показал их неспособность эффективно выполнять свои функции в условиях предвоенного времени: они утратили чувство реальности, оторвались от народной среды, в их среде материальные заботы заняли место политических обязанностей, а групповые интересы возобладали над интересами общими, государственными.

В заключительной речи на Пленуме ЦК ВКП (б) Сталин привел примеры, когда при назначении на должности люди подбирались «не по политическому и деловому принципу, а с точки зрения личного знакомства,

---

⁷³ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. 3 марта 1937 г. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 6.

личной преданности, приятельских отношений»⁷⁴, когда партийные секретари, назначенные на руководящую работу в какой-либо регион, формировали свой аппарат не из местных жителей, а из прежних своих подчиненных. Что это значит? — спросил он и ответил: «Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы»⁷⁵. Сталин называл указанный порок «атаманщиной» и считал его чрезвычайно пагубным для единства государства.

Репрессивные операции против руководителей партийных и государственных органов СССР были, пожалуй, наиболее продуманными и планомерными. Жертвы часто обвинялись в преступлениях, которые на самом деле ими не совершались, но это совсем не означало, что они не совершали никаких вообще преступлений и были чисты в поступках и помыслах.

Репрессии не обошли стороной ни один государственный орган. Пронеслись они и по советской прокуратуре, но прокурор СССР Вышинский каким-то чудом не попал в их круговерть, хотя занимал должность, которая была в то жестокое расстрельной в такой же степени, как и пост наркома внутренних дел.

Те, кто видел Вышинского в начале 1938 года и затем в конце этого года, когда волна массовых репрессий уже схлынула, поражались произошедшей в нем перемене — Андрей Януарьевич всего за один год превратился в старика⁷⁶. А ему в то время было лишь 55 лет!

---

⁷⁴ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. 5 марта 1937 года. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 13.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Одним из таких людей, заметившим разительные перемены во внешнем облике А.Я. Вышинского, был академик В.И. Вернадский. 20 декабря 1938 г. Владимир Иванович общался с прокурором СССР на личном приеме в его кабинете. На следующий день он записал в своем дневнике: «Я видел раньше Вышинского издали и раз (до последнего процесса) вблизи (имеется в виду судебный процесс по делу «Антисоветского правотроцкистского блока», проходивший со 2 по 13 марта 1938 г. — В.Т.). Меня поразили изменения — там (на Руставели) это был светски яркий, не больной человек — тут старик живой, но явно болезненный» (*Вернадский В.И. Дневник 1938 г. // Советское общество. Возникновение, развитие, исторический финал. Том 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 481*).

3

«Есть какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, в) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, в) подозрительных и с) потенциально подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись».

*Письмо Н.И. Бухарина на имя И.В. Сталина.
10 декабря 1937 г.⁷⁷*

«Тридцать седьмой год очень тяжелый был», — сокрушался В.М. Молотов в одной из своих бесед о прошлом. «Но, если бы мы его не проводили, — добавлял он в свое оправдание, имея в виду проводившиеся в течение этого года массовые репрессии, — жертв было бы больше. Я в этом не сомневаюсь. Если бы они победили, то само собой, очень большие жертвы были бы»⁷⁸. Бывший председатель СНК СССР не уточнил, кого подразумевал под словом «они», но об этом нетрудно догадаться, прочитав его воспоминания о борьбе различных фракций внутри ВКП (б), записанные Ф.И. Чуевым. «Наиболее яростные против нас были все правые, но более грамотным был, конечно, Бухарин»⁷⁹, — говорил Молотов. В его рассказах о прошлом после Сталина именно Бухарин упоминался чаще всех.

Правые во главе Бухариным составляли в середине 1930-х годов по целому ряду причин самую опасную для Сталина оппозиционную силу. Политическая программа, которой они придерживались и которую намеревались осуществить в случае прихода к власти, была значительно менее обременительной для советского правящего слоя, чем программа, избранная Сталиным. Она требовала от руководителей намного меньше

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427. Л. 14.

⁷⁸ Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 415. После проведенной в СССР в 1950-е годы широкой кампании по реабилитации жертв "сталинских репрессий" 1937 год стал в истории Советского государства стал восприниматься в сознании советского общества не только в качестве периода времени, но и как обозначение массовых репрессий. Поэтому Молотов и говорил применительно к 1937 году "если бы его не проводили".

⁷⁹ Там же. С. 262.

жертв, предполагала значительно менее строгую ответственность за преступления и грубые просчеты в управлении.

В заключительной речи на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б) 1937 года Сталин предельно ясно выразил мнение о недопустимости смягчать и тем более освобождать руководителей от ответственности за допущенные нарушения и ошибки. Отвечая на призыв щадить кадры, он с нескрываемой злостью заявил: «... Что значит щадить кадры? И как вообще можно их сохранить и вырастить? Щадить кадры. Очень многие товарищи думают так, что ежели смягчить ошибки некоторых товарищей, ежели их смазать и сказать правду об ошибках товарищей только наполовину, то мы пощадим кадры и сохраним их. Правильно это или неправильно? Тот, кто думает, что замазывать ошибки наших кадров — значит сохранить их, пощадить их, он губит кадры, наверняка, он губит кадры. Смягчать ошибки наших кадров, замазывать их — значит не щадить кадры, а губить. Губить»⁸⁰.

Такая позиция секретаря ЦК ВКП (б), да еще выраженная очень жестко, бескомпромиссно, не могла понравиться советским руководителям, большинство из которых за годы, прошедшие после Октябрьской революции, привыкло управлять вверенными им территориями и ведомствами по своему желанию, как вздумается, бесконтрольно и безнаказанно. Сформированный в массе своей из большевиков-революционеров советский правящий слой середины 1930-х годов был склонен смотреть на страну как на свою добычу и не стеснялся использовать партийные и государственные должности для удовлетворения личных интересов и амбиций⁸¹.

Сталин же добивался от руководителей государственных, партийных и хозяйственных органов полного подчинения личных интересов интересам Советского государства и чрезвычайно нетерпимо относился к малейшим попыткам партийно-государственных сановников превратить вверенную им республику, край или область в собственную вотчину, в независимую от центральной власти территорию.

---

⁸⁰ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 5 марта 1937 г. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 16.

⁸¹ См. об этом, например, основанную на архивных материалах книгу: Сушков А.В. Империя товарища Кабакова: уральская партноменклатура в 1930-е годы. Екатеринбург, 2019.

Генеральный секретарь Исполнительного комитета Коминтерна Г.М. Димитров записал в своем дневнике тост, произнесенный Сталиным во время праздничного застолья 7 ноября 1937 года. Его содержание не могло не поразить большевиков-революционеров и интернационалистов. «Русские цари сделали много плохого, — сказал Сталин. — Они грабили и порабощали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело: склотили огромное государство — до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство, как единое неделимое государство, не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство. Мы объединили государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство социалист[ического] государства, кто стремится к отделению от него отд[ельной] части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был [бы] он старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. **Каждого, кто своими действиями и мыслями, (да, и мыслями), покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать.** За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!»⁸² (выделено мною. — В.Т.).

Сталин открыто заявил на празднестве в честь двадцатой годовщины Октябрьской социалистической революции, что готов уничтожать врагов не только за их действия, но и за их помыслы — и не только самих врагов, но также их семьи и рода. Но ради чего он готов был пойти на столь

---

⁸² Из дневника Г. М. Димитрова // Застольные речи Сталина. Документы и материалы / Вступ. статья, сост., коммент. В.А. Невежина. М.-СПб., 2003. С. 148. Адъютант наркома обороны К.Е. Ворошилова Р.П. Хмельницкий, слышавший данный тост Сталина, записал его содержание в сокращенном виде: «Мы, строители, создали экономическое целое и тесно связанное между собой единое государство для народа. Мы будем строить это государство и впредь, и всех, кто посмеет стать на пути строительства, всех, кто осмелится ослабить мощь СССР, подорвать его экономическое единство, мы будем считать врагами народа и будем беспощадно уничтожать» (Запись Р.П. Хмельницкого (окончательный вариант). 1937 г., не ранее 8 ноября // Там же. С. 160).

решительные, жестокие меры, явно выходявшие за рамки советского законодательства? Для сохранения Советского государства!

Понимая, что влиятельные финансовые группировки Запада, базировавшиеся в основном в США и Великобритании, готовят завоевательный поход против СССР и создают из Германии мощный таран для военного удара по нашей стране, Сталин стремился любыми средствами укрепить Советское государство, предотвратить не только реальные угрозы его существованию, но и потенциальные опасности, которые во время войны могли воплотиться в действительность и привести нашу страну к гибели.

Массовые репрессии 1937 года сознательно направлялись руководством ВКП (б) на уничтожение не только открытых противников Советского государства, но и тех, кто лишь подозревался во враждебности к нему, кто мог во время войны перейти на сторону врага, кто при первых же военных неудачах мог принять участие в заговоре против советского правительства или поддержать заговорщиков.

В декабре 1970 года верный соратник Сталина В.М. Молотов так оценивал значение репрессий 1937 года: «...Мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны тридцать седьмому году тем, что у нас во время войны не было “пятой колонны”. Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но если начнется что-нибудь, они дрогнут, переметнутся»⁸³.

В этом взгляде на массовые репрессии Молотов оставался непреклонным до конца своих дней. Когда в октябре 1983 года, за три года до его смерти, с ним снова заговорили на эту тему, он убежденно и твердо сказал: «Я считаю, что мы поступили правильно, пойдя на некоторые неизбежные, хотя и серьезные излишества в репрессиях, но у нас другого выхода в тот период не было. А если бы оппортунисты возобладали, они бы, конечно, на это не пошли, но тогда бы у нас во время войны была бы внутренняя такая драка, которая бы отразилась на всей работе, на самом существовании Советской

---

⁸³ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 390.

власти. Нас можно и нужно критиковать, даже обвинять в излишествах, но у нас другого выбора, по-моему, не было. Это был лучший из возможных»⁸⁴.

Государственная идеология, которую Сталин в 1937 году навязывал советскому правящему слою, несла в себе мировоззрение, присущее осажденной крепости. Каждый начальник, помимо функций, вытекавших из его должности, принуждался брать на себя еще и бремя стражника в той сфере, в которой он действовал, то есть охранять существующий порядок, предотвращать вражеские вылазки, находить и обезвреживать врагов. При этом критерии вражеской деятельности и признаки врагов были чрезвычайно размыты. «Необходимо помнить и никогда не забывать, — внушал Сталин партийным и государственным руководителям в речи на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 года, — что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза. Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение — будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства»⁸⁵. Таким образом, Сталин призывал вести борьбу не только с вредителями, но и с теми, кто недооценивал последствия вредительства, а значит, бороться не только с врагами, но и с теми, кто с врагами не боролся.

Атмосфера недоверия и подозрительности, царившая в 1937 году в партийных и государственных органах, ведомствах, учреждениях, на предприятиях и в советском обществе в целом, безусловно, затрудняла возникновение новых тайных оппозиционных объединений (хотя бы уже потому, что никакая тайна не могла долго сохраняться в такой атмосфере) и помогала предотвратить раскол советского правящего слоя, который был очень опасен для государства в преддверии войны и стал бы катастрофой для всей страны в военные годы. Но такое положение являлось чрезвычайно тягостным для страны и ее правящего слоя.

---

⁸⁴ Там же. С. 407–408.

⁸⁵ Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП (б) 1937 г. 3 марта 1937 года. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 10.

Правая оппозиция не имела стройной идеологии, которую можно было бы противопоставить сталинизму в качестве альтернативной программы развития страны. Однако доминировавшие в ее среде мировоззренческие установки, предполагали более свободную экономику⁸⁶ и более благоприятный для советского правящего слоя политический и юридический статус. Кроме того, правые имели в своей среде довольно многочисленную группу людей, занимавших в прошлом и продолжавших занимать довольно высокие руководящие посты в партии и государстве, а также общепризнанного лидера Н.И. Бухарина, пользовавшегося широкой известностью в стране и весьма популярного среди коммунистической молодежи. По этим причинам у правых оказалось много сторонников в советской партийной и государственной бюрократии. Так, на стороне правых был и всячески им содействовал А.С. Енукидзе, занимавший с 31 декабря 1922 года по 3 марта 1935 года пост секретаря ЦИК СССР. «Енукидзе был известен как человек либерально-обывательского склада и в то же время как человек, сочувствовавший правым»⁸⁷, — такое мнение высказал о нем на одном из допросов в НКВД Н.И. Бухарин.

К правым относился и арестованный 28 марта 1937 года бывший нарком внутренних дел Г.Г. Ягода. В тайной поддержке правых подозревали нового наркома внутренних дел Н.И. Ежова и даже прокурора СССР А.Я. Вышинского.

Но больше всего организацию правых и в том числе Бухарина усиливала поддержка со стороны известных советских военачальников, таких как: командующий войсками Московского военного округа командарм 1-го ранга И.П. Белов, командующий частями Красной Армии на Дальнем Востоке маршал СССР В.К. Блюхер, заместитель наркома обороны СССР маршал СССР М.Н. Тухачевский, командующий войсками

---

⁸⁶ В 1928 г. Сталин сделал следующий вывод об экономической программе правой оппозиции: «Стало быть, победа правого уклона в нашей партии означала бы нарастание условий, необходимых для *восстановления* капитализма в нашей стране» (Сталин И.В. О право опасности в ВКП (б). Речь на пленуме МК и МКК ВКП (б) 19 октября 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 226).

⁸⁷ Показания Н.И. Бухарина [2 июня 1937 г.] // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427 л. 35.

Белорусского военного округа командарм 1-го ранга И.П. Уборевич, командующий войсками Киевского военного округа командарм 1-го ранга И.Э. Якир и др.

Связь упомянутых военачальников с правой оппозицией выявилась во время следствия по их уголовным делам⁸⁸.

29 мая 1937 года Тухачевский показал на допросе: «С 1928 года я был связан с правыми. Енукидзе, знавший меня с давних пор и будучи осведомлен о моих антисоветских настроениях, в одном из разговоров сказал мне, что политика Сталина может привести страну к гибели, что смычка между рабочими и крестьянами может быть разорвана. В связи с этим Енукидзе указывал, что программа Бухарина, Рыкова и Томского является вполне правильной и что правые не сдадут своих позиций без боя. В оценке положения я согласился с Енукидзе и обещал поддерживать с ним связь, информируя его о настроениях командного, политического и красноармейского состава Красной Армии. В то время я командовал Ленинградским военным округом»⁸⁹.

Свои слова Тухачевский подтвердил на суде, сообщив: «С ЕНУКИДЗЕ у меня был разговор в 1928 году. Он говорил о том, что политика правых верна, а генеральная линия партии неверна. В 1930 году ЕНУКИДЗЕ со мной говорил о том, что победа генеральной линии партии еще не решена, что правые ушли в подполье и будут нелегально бороться за свои позиции»⁹⁰.

Затем на суде Тухачевский дал порочащие показания и на Бухарина. «С БУХАРИНЫМ пришлось мне говорить в 1933 году, когда он был болен, — сказал бывший маршал. — Он в это время руководил отделом по научным учреждениям Наркомтяжпрома. На квартиру к БУХАРИНУ мне пришлось

---

⁸⁸ Маршал Тухачевский был арестован 22 мая 1937 г. Командармы Якир и Уборевич — 28 и 29 мая 1937 г. Все они были приговорены 11 июня 1937 г. специальным судебным присутствием Верховного суда СССР к расстрелу. Командарм Белов был арестован 7 января 1938 г., 29 июня того же года его расстреляли на основании судебного приговора. Маршал Блюхер был арестован 22 октября 1938 г., 9 ноября того же года он умер после допроса.

⁸⁹ ЦА ФСБ РФ АСД. № Р-9000 на Тухачевского М.Н. и др. «Следственное дело». Том 1. Протокол допроса Тухачевского М.Н. от 29 мая 1937 г. Л. 42

⁹⁰ Стенограмма судебного заседания специального судебного присутствия Верховного Суда Союза ССР от 11 июня 1937 года по делу Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдемана Р.П., Фельдмана Б.М., Примакова В.М. и Путны В.К. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1б, 58-8 и 58-11 УК РСФСР // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 392 Л.1-172. Л. 40.

пойти с инженером ПОПОВЫМ. После того, как БУХАРИН окончил разговор с ПОПОВЫМ и простился с ним, он меня задержал за руку и стал говорить о том, что политика СТАЛИНА безрассудная, что необходимо организовать работу правых и, в частности, работу в Красной армии, о которой он знает. Разговор этот был короткий, потому что ПОПОВ остановился в дверях. Затем между нами был разговор в 1934 году в здании ЦК. БУХАРИН сказал мне, что дела в Кремле идут хорошо и нужно, чтобы армия тоже была готова на это дело. Я сказал, что мы примем меры для выполнения этого задания»⁹¹.

Командарм 1-го ранга И.П. Белов входил в состав специального судебного присутствия, вершившего суд над Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими. Через полгода после этого судебного процесса он сам оказался на скамье подсудимых. О его связи с руководителями правой оппозиции правыми говорилось на следствии и во время суда. В приговоре военной коллегии Верховного суда СССР, вынесенном 29 июня 1938 года, через три с половиной месяца после расстрела Бухарина, было отмечено: «В 1931 году Белов лично установил связь с одним из руководителей организации правых в ВКП(б) – Н.И. Бухариным, от которого получил указания об усилении антисоветской деятельности»⁹².

Блюхер признал сотрудничество с правыми на допросе, который состоялся 28 октября 1938 года, в шестой день после его ареста. «Мое вступление в связь с „правыми“, – рассказал он, – произошло в 1930 году. Этому предшествовал целый ряд имевшихся у меня колебаний по основным принципиальным вопросам политики партии как следствие моей политической неустойчивости и плохой партийности». Кроме того Блюхер сообщил, что в 1934 году один из вождей правых А.И. Рыков прислал ему письмо адресованное всем командующим, и предлагал ему пост наркома обороны в правительстве, которое сформируют после государственного переворота лидеры правых.

2 июня 1937 года Сталин выступил на заседании военного совета при наркомате обороны СССР с речью, в которой заявил о раскрытии антигосударственного заговора военачальников, троцкистов и правых.

---

⁹¹ Там же. Л. 49.

⁹² Цит. по: *Ферр Г., Бобров В.Л.* Маршал С.М. Буденный о суде над М.Н. Тухачевским. Впечатления очевидца // Клио. 2012. № 2 (62). С. 17.

«Прежде всего обратите внимание, — сказал он, — что за люди стояли во главе военно-политического заговора. Я не беру тех, которые уже расстреляны, я беру тех, которые недавно еще были на воле. Троцкий, Рыков, Бухарин — это так сказать политические руководители. К ним я отношу также Рудзутака, который также стоял во главе и очень хитро работал, путал все, а всего-навсего оказался немецким шпионом, Карахан, Енукидзе. Дальше идут: Ягода, Тухачевский — по военной линии, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник — 13 чел. Что это за люди? Это очень интересно знать. Это — ядро военно-политического заговора, ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспособляло всю свою работу к вкусам и приказам со стороны германских фашистов»⁹³.

Сталин внимательно следил за расследованием заговора военачальников, читал все протоколы допросов арестованных его участников. И можно предположить, что сведения о связях военных заговорщиков с правой оппозицией вызывали у него особый интерес. Ведь получалось, что Бухарин имел реальные шансы на победу в политической борьбе.

О том, что правая оппозиция целенаправленно стремилась заручиться поддержкой армии, убедительно свидетельствовали и показания арестованного А.С. Енукидзе на допросе 30 мая 1937 года. «Решение о создании организации правых в Красной армии, — говорил следователю Авель Софронович, — было необходимо еще и по следующим соображениям: пока блок троцкистско-зиновьевской организации и организации правых готовится к захвату власти, цель у правых и у троцкистов одна: свергнуть существующее руководство путем совершения государственного переворота. Но на следующий же день после успешного совершения переворота начнется борьба за влияние во вновь сформированном правительстве, и лидеры троцкистско-зиновьевской организации, которые еще в 1931 году имели свою военную организацию, конечно, не посчитаются с тем, что правые вместе с ними готовили и совершили переворот. Они, чувствуя за собой совершенно реальную вооруженную силу, могут просто

---

⁹³ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1-4 июня 1937 г. Документы и материалы. М., 2008. С. 128.

расправиться со своими вчерашними союзниками, и правые останутся в стороне»⁹⁴.

В течение трех месяцев после ареста Бухарин отрицал свое участие в каком-либо заговоре, но 2 июня — на четвертый день после данных Тухачевским показаний о его связях с правыми — и в тот самый день, когда Сталин произносил вышеупомянутую речь о военно-политическом заговоре вождей правой оппозиции и видных военачальников, Бухарин составил обширный, занимающий 24 рукописных листа, документ, в котором признавался в своих преступлениях и прегрешениях.

Содержание документа делилось на семь глав. Его можно было бы назвать трактатом, если бы это признание написал не Бухарин, а другой человек. В манере, свойственной трактату, Николай Иванович подобострастно и униженно разоблачал самого себя и своих сторонников, что показывает уже само название глав:

- I. Общие теоретические антиленинские взгляды Бухарина.
- II. Зарождение «бухаринской школы».
- III. Переход «бухаринской школки» к политической деятельности.
- IV. Оформление контрреволюционной правой организации.
- V. Поиски блока с Каменевым-Зиновьевым.
- VI. Переход к двурушнической тактике.
- VII. Переход к тактике насильственного свержения руководства.

Последняя глава была самой уничижительной и объемной: на разоблачение правых, и в том числе самого себя, признанию вины в подготовке государственного переворота Бухарин отвел восемь листов — третью часть всего объема рукописи.

По словам Бухарина, идея государственного переворота всплывала в среде правых «и много раньше, сперва в виде полушуточных разговоров и замечаний со стороны Томского, который жил недалеко от Енукидзе, был с ним связан и, очевидно, натыкался на мысль о возможности использовать служебное положение этого лица, в руках которого сосредотачивалась охрана Кремля, в том числе и школа курсантов ЦИКа. К тому же в бытность Рыкова предсовнаркомом можно было говорить и об использовании

---

⁹⁴ Протокол допроса Авеля Софроновича Енукидзе. 30 мая 1937 г. // ЦА ФСБ. Ф. 13614. Том 2. Л. 322.

служебного положения последнего»⁹⁵. Однако на первых порах эта идея, подчеркивал Бухарин, имела «неопределенно-легкомысленно-теоретический характер, характер несерьезных мечтаний и так называемых “разговорчиков”»⁹⁶. Серьезный смысл идея государственного переворота получила, по его мнению, вследствие закрытия путей для легального получения большинства в партии, полного поражения в открытой борьбе, перехода к нелегальным методам борьбы. «Томский рассказал мне однажды, уже после моего приезда, — сообщил в своих показаниях Бухарин, — что Енукидзе согласен на то, чтобы возглавить этот переворот, что Ягода тоже принимает в этом участие и что Енукидзе завербовал для этого дела и коменданта Кремля, Петерсона, который был раньше, как известно, начальником т.н. поезда Троцкого. Так созрел план государственного переворота»⁹⁷.

Далее Бухарин коснулся разговоров, которые велись в начале 1930-х гг. между различными «контрреволюционными группировками». Сам он разговаривал с Пятаковым, а Томский и Рыков — с Сокольниковым и Каменевым. По рассказу Бухарина, «Пятаков развивал тезис о полном перерождении власти, о том, что “сталинская бюрократия” превратилась в новый класс, владеющий средствами производства, что, по существу, у нас — централизованный государственный капитализм. Я с ним не соглашался и выдвигал другое положение, что такая опасность лишь существует, но что политика может быть исправлена при смене руководства. Пятаков напирал на террор, я весьма скептически относился к этому методу борьбы, считая его специфическим порождением троцкистского бешенства и озлобленности при малом политическом разуме». В итоге, сообщил Бухарин, все сошлись на «необходимости координации действий, полагая, что разногласия так или иначе изживутся в ходе совместной борьбы и при сближении “старых кадров”»⁹⁸.

Представленные Бухариным выводы из слышанных им разговоров в среде правых давали НКВД явный повод к обвинениям его соратников в подготовке самых тяжких преступлений, но он как будто не понимал, что усугубляет их участь. «Помню, что Томский особенно энергично защищал идею блока, — сообщал Бухарин, — {и} гораздо решительнее высказывался

---

⁹⁵ Показания Н.И. Бухарина [2 июня 1937 г.] // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427 л. 38.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. Л. 39.

за необходимость свержения власти и доказывал необходимость этого блока, между прочим, и тем, что для совершения государственного переворота нужна концентрация всех серьезных сил. При этом указывал снова и на роль Енукидзе и Ягоды, о чем говорил и Рыков. Речь шла таким образом о свержении правительства и создании своего правительства, состав которого тогда ближайше не намечался»⁹⁹.

Конечный вывод рукописного признания Бухарина, записанного 2 июня 1937 года, представлял внутрипартийную оппозицию организацией, способной на совершение самых тяжких антигосударственных преступлений: «Итак, к концу 1932 года сложился блок между контрреволюционными организациями правых, зиновьевцев и троцкистов в общем на основе т.н. рютинской платформы, со всеми ее преступными контрреволюционными установками, идущими по линии террора, восстания, государственного переворота»¹⁰⁰.

11 июня 1937 года состоялось закрытое судебное заседание специального судебного присутствия Верховного суда СССР по делу Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдемана Р.П., Фельдмана Б.М., Примакова В.М. и Путны В.К. Все они были приговорены к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего имущества по статьям 58-1б (измена родине, совершенная военнослужащими), 58-8 (совершение террористических актов против представителей Советской власти) и 58--11 (всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению государственных преступлений). Обвинительное заключение к этому судебному процессу готовил прокурор СССР Вышинский.

В августе 1937 года Бухарин записал собственноручно еще одно признание. Оно в чем-то повторяло прежнее, но вместе с тем содержало новые детали, которые дополняли историю вынашивания правой оппозицией замысла государственного переворота.

«Зарождение идеи государственного переворота в организации правых относится еще к периоду 29-30 гг., — начал Бухарин свою исповедь. — Сперва на эту тему были случайные реплики, “разговорчики”, не имевшие серьезного политического значения, и только мало-по-малу эта мысль

---

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

вырастала в известный политический план или, по крайней мере, стала получать известное оформление. В тот период тройка входила в состав П.Б. ЦК ВКП (б), Рыков был председателем Совнаркома, т.е. занимал весьма высокое положение в служебной советской иерархии. Такая совершенно специфическая ситуация наводила на мысль о государственном перевороте, как о т.н. “дворцовом перевороте”, то есть о возможности ареста некоторых членов политбюро, при использовании советски-служебных и партийно-политических позиций членов правого центра. Идея государственного переворота, сводившаяся в те поры¹⁰¹ к идее дворцового переворота, носила тогда, следовательно, узкий и замкнутый характер с точки зрения политико-технической. На это, однако, не пошли, ибо, с одной стороны, не было достаточных связей, а с другой — были постоянные колебания в тактической ориентации между тактикой узкого переворота и ставкой на массовое движение недовольства в деревне... Увязки между этими двумя линиями тогда не было, а было нерешительное метание между ними и постоянное перемещение центра тяжести то в одну, то в другую сторону... Вышеозначенная увязка между идеей государственного переворота и ставкой на контрреволюционные массовые движения относится к более позднему периоду, а именно к периоду 1931–1932 гг.»¹⁰².

По словам Бухарина, на совещании правого центра, которое состоялось весной или летом 1932 года на даче у Томского, и на котором помимо хозяина дачи присутствовали Бухарин, Рыков и Угланов, было решено сделать ставку на «насильственное свержение руководства и на сочетание массового движения с государственным переворотом», с заострением вопроса о «внутрипартийном режиме» и так называемой «диктатуре Сталина». Совещание поручило Угланову и его группе составить новую идеологическую платформу.

Бухарин не смог указать, кто написал этот документ, но заметил, что он получил название «рютинской» платформы «в целях конспирации, чтобы не ставить под удар организацию правых в целом: это был, таким образом, маскировочный псевдоним, долженствующий прикрыть контрреволюционную организацию правых в ее совокупности и ее центр»¹⁰³. И действительно,

---

¹⁰¹ Так в оригинале. — В.Т.

¹⁰² Показания Н.И. Бухарина [Август 1937 г.] // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427. Л. 52.

¹⁰³ Там же. Л. 54.

правым было, что скрывать: первым существенным моментом этой платформы была ее «установка на насильственные методы борьбы против руководства»¹⁰⁴.

Детали и подробности, которые Бухарин приводил в своих рукописных показаниях, убедительно показывают, что правые действительно обсуждали в своей среде планы государственного переворота. Но почему Николай Иванович решил раскрыть самые неприглядные тайны своей организации, почему представил себя и своих соратников в виде заговорщиков?

4

По воспоминаниям людей, знавших Н.И. Бухарина, он был человеком эмоциональным, импульсивным, способным на необдуманные слова и поступки. Его письма Сталину, писавшиеся незадолго до ареста и во время пребывания в тюрьме, в полной мере подтверждают это впечатление. Однако показания, написанные им собственноручно в летние месяцы и в сентябре 1937 года, выглядят на удивление продуманными и даже созданными с явным расчетом. В чем же признавался, в чем винил себя Бухарин?

Во-первых, в «собственных теоретических антиленинских и антимарксистских ошибках»¹⁰⁵.

Во-вторых, в том, что «претендовал на роль руководителя партии и поэтому готовил свои преданные кадры»¹⁰⁶, собрал вокруг себя и создал фракцию молодых коммунистов, так называемую «бухаринскую школку», и «преступным образом посвящал ядро этой фракции во все самые внутренние дела партруководства, знакомил это ядро с секретными партийными документами ЦК, Политбюро, Исполкома и Президиума Коминтерна; воздавал похвалы этому молодняку и тем самым развращал его политически, сеял такие семена, которые принесли свои преступные плоды»¹⁰⁷.

В-третьих, в том, что принял участие в создании «контрреволюционной правой организации», вошел в состав ее руководящего центра, и способство-

---

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Показания Н.И. Бухарина [2 июня 1937 г.] // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427 л. 23.

¹⁰⁶ Там же. Л. 29.

¹⁰⁷ Там же. Л. 28–29.

вал ее объединению с контрреволюционными организациями зиновьевцев и троцкистов «на основе т.н. рютинской платформы, со всеми ее преступными контрреволюционными установками, идущими по линии террора, восстания, государственного переворота»¹⁰⁸.

В-четвертых, в том, что написал большую и подробную платформу правых, в которой «давалась резкая антисоветская критика политики партии и правительства по всему фронту вопросов общеполитического порядка, от экономики до политики Коминтерна, от внутрипартийной политики до проблем партийного руководства»¹⁰⁹.

В-пятых, бывший большевистский вождь принял на себя ответственность за то, что об известных ему преступных замыслах руководителей правых «партии не рассказал, из правого центра не вышел»¹¹⁰.

Для своей защиты Бухарин избрал на следствии довольно необычную тактику. Николай Иванович винил себя лишь в ошибках, а не в государственных преступлениях. Называя свою оппозиционность Сталину анти-советской и, «по существу, контрреволюционной», он стремился представить ее чисто теоретической, проявляющейся не в преступных замыслах или деяниях, а лишь в неправильном или недостаточно глубоком понимании марксистских доктрин и решений съездов и пленумов ВКП (б).

Признавая свое активное участие в создании и деятельности организации правых, Бухарин при этом утверждал, что террористические способы борьбы не поддерживал, что организацию правых в целом нельзя представлять террористической в собственном смысле слова, поскольку «центр тяжести контрреволюционной тактики правых» лежал не в терроре, «но внутри организации росли террористические группы, которые получили твердую базу в основных установках “рютинской платформы”, санкционированной правым центром»¹¹¹.

Арестованный по обвинению в государственных преступлениях, Бухарин вел себя на следствии так будто был не обвиняемым, а всего лишь свидетелем. В своих показаниях он привел множество фамилий участников правой оппозиции, объяснил, почему у самых активных из них возник

---

¹⁰⁸ Там же. Л. 39.

¹⁰⁹ Там же. Л. 32.

¹¹⁰ Показания Н.И. Бухарина. Август 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427. Л. 62.

¹¹¹ Там же. Л. 40.

замысел захвата власти насильственным путем, назвал тех, кто собирал силы для осуществления этого плана. По свидетельству Бухарина, «в деле организации сил государственного переворота принимали энергичное участие и троцкисты, и зиновьевцы, организационной предпосылкой чего служил контактный центр, воплощавший — худо ли хорошо ли — связь между различными контрреволюционными группировками. Со стороны правых главной политической фигурой здесь был Томский... и как практический организатор, и как человек, непосредственно связанный с Енукидзе, а также и с Ягодой... Таким образом, непосредственные силы, на которые ставилась ставка при эвентуальной организации переворота, были: Енукидзе плюс Ягода, их связи в Кремле, военная группа вообще, организация в московском гарнизоне»¹¹². Самого себя Бухарин в число организаторов государственного переворота не включил, хотя перед этим признал, что входил в руководство правых вместе с Рыковым и Томским.

Николай Иванович сознательно старался придать своим показаниям характер покаяния и раскаяния. В признательном заявлении, сделанном 1 июня 1937 года, он следующим образом объяснил принятое им решение повиниться: «После длительных колебаний я пришел к выводу о том, что необходимо полностью признать свою вину перед партией, рабочим классом и страной и покончить раз навсегда со своим контрреволюционным прошлым»¹¹³. Его письменные свидетельства и по содержанию и по форме — начиная с того, что были написаны собственной рукой, — действительно оказались похожими более на покаяние и раскаяние грешника, нежели на признание обвиняемого в тяжких преступлениях.

Обвиняя себя и раскаиваясь в собственных грехах, Бухарин одновременно разоблачал и уличал других оппозиционеров — как будто был не обвиняемым, а обвинителем. Он стремился в показаниях, которые давал следователям (но предназначал, несомненно, для Сталина и был уверен, что Коба обязательно будет их читать), представить себя патриотом, защитником своей страны и противником тех вождей антисталинской оппозиции, которые были готовы при условии их поддержки со стороны зарубежных

---

¹¹² Показания Н.И. Бухарина. Август 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427. Л. 59.

¹¹³ Заявление Н.И. Бухарина народному комиссару внутренних дел СССР Н.И. Ежову. 1 июня 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 459. Л. 246.

правительств пойти на серьезные экономические и даже территориальные уступки иностранным державам.

Уже в первых своих признательных показаниях, написанных в начале июня 1937 года, Бухарин счел необходимым проинформировать: «Летом 1934 г. я был у Радека на квартире, причем Радек сообщил мне о внешне-политических установках Троцкого, который распоряжался советскими землями, как хозяин. Я возражал против таких установок, ибо и я, и многие другие члены контрреволюционной организации правых все же, даже на всем протяжении антисоветской борьбы, обладали чувством патриотизма, которого совершенно лишены троцкисты и зиновьевцы. Я говорил, что в крайнем случае могла бы идти речь о кое-каких концессиях или об уступках в торговых договорах, но что не может быть и речи о территориальных уступках какому-либо капиталистическому государству и тем более фашистской Германии. Я утверждал, что скоропалительность Троцкого и его ослепленность¹¹⁴ может привести к полной компрометации его организации, а также и всех троцкистских союзников, в том числе и правых, и что против такой позиции мы будем решительно возражать. Вообще, — говорил я, — все дело может загубить авантюризм Троцкого, который воображает, что он центр земли, вокруг которого вращается все, что он никогда не понимал и сейчас не понимает, что связано с проблемами массового движения, и что так же, как в 1918 г. он не понимал, что все дело — в лозунге мира, так теперь он не понимает гигантски возросшего массового патриотизма народов СССР»¹¹⁵.

Более подробно этот сюжет Бухарин раскрыл в дополнительных показаниях, собственноручно записанных им в августе 1937 года. Из всех признаний, сделанных им на следствии, сведения о попытках бывших большевистских вождей прибегнуть в борьбе против сталинской группировки в руководстве ВКП (б) к помощи иностранных правительств, являются наиболее интересными. Они заставляют по-новому посмотреть на феномен так называемых сталинских репрессий.

Можно не сомневаться, что сам Сталин придавал этим сведениям особо важное значение. В их свете политическая деятельность бывших больше-

¹¹⁴ Бухарин хотел здесь написать: «ослепленная самовлюбленность» Троцкого, но начертав «самов», зачернул эти буквы, а окончание «ая» в предыдущем слове заменил на «ость». — В.Т.

¹¹⁵ Показания Н.И. Бухарина [2 июня 1937 г.]. Л. 42.

вистских вождей, ставших в оппозицию к Сталину, приобретала явные черты государственного преступления. Враги Сталина оказались одновременно в оппозиции и по отношению к Советскому государству и ко всему советскому народу.

Бухарин ясно это понимал, поэтому не просто отмежевался от замыслов каким-либо образом использовать в оппозиционной борьбе внешнеполитический фактор, но предельно резко осудил и детально разоблачил подобные замыслы, выступив на следствии, по сути, пламенным обвинителем, а не обвиняемым.

«Крупнейшим фактором в ориентации контрреволюционных сил, — начал он свое разоблачение, — была победа фашизма в Германии и его укрепление, а, следовательно, и приближение военной опасности. Бешеная подготовка Германии к войне (экономическая, дипломатическая и чисто-военная) была у всех на виду, и сомнения здесь были невозможны. Японская агрессия на Дальнем Востоке создавала такую же опасность на другом, противоположном фронте. Наконец, переориентировка Польши с Францией на Германию точно также служила добавочным симптомом новой, чреватой важнейшими последствиями, международно-политической конъюнктуры. В связи с этим в контрреволюционных верхушках начались разговоры об использовании складывавшейся ситуации, причем инициатива здесь принадлежала троцкистам вообще, лично Троцкому в частности и в особенности, Троцкому, который со всем свойственным ему авантюризмом и бешеной злобностью сразу же готов хвататься за любое оружие в борьбе с советской властью, разыгрывая из себя уже “хозяина земли русской” (советской) и — через своих людей (Радек) довел до сведения о факте своих переговоров с немецкими фашистами, с пораженческими по существу “идеями” и с “идеями” компенсации Германии территориальными уступками в случае соглашения. Характерно для него, что его люди рассматривали позицию Троцкого, как своего рода военные приказы и догматы непогрешимого папы, как бы авантюристически и чудовищно они ни выглядели. Тем не менее и в верхушке правых (нужно помнить, что сугубая осторожность диктовала метод встреч между отдельными людьми, а не “пленумы” каких-либо “центров”) пошли разговоры и обмен мыслями в связи с международной конъюнктурой и более или менее известными установками троцкистов. Томский, мне кажется, не без влияния Енукидзе-

Карахана (последний был и в лично-дружеских отношениях с Енукидзе), как “практик”, признавал возможность использования и войны для свержения советской власти, и предварительных соглашений с Германией, по крайней мере, известного зондажа в этом отношении. Это я знаю из беглого обмена мнений с Томским»¹¹⁶.

Бухарин умолчал об отношении к этому плану другого руководителя правого центра — А.И. Рыкова под тем предлогом, что не помнит его позиции, но собственные выводы о возможности использовать военное нападение на Советский Союз для захвата власти постарался изложить в предельно ясной форме, представив их в виде предостережений, высказанных Томскому и Радеку:

«1. Принципиально недопустима пораженческая позиция по отношению к советскому государству и советским народам, как бы ни была искривлена политика партийного руководства и каков бы ни был партийный режим.

2. Принципиально недопустимы переговоры с какими бы то ни было капиталистическими государствами, пока мы не стоим у власти.

3. Будучи у власти, мы можем допустить известные уступки Германии, в целях ее нейтрализации, но эти уступки не должны носить характер теорриториальных уступок: это могут быть уступки по линии концессий или торговых договоров (цены, условия кредита, поставки сырья и т.д.). Нельзя рвать с традицией лозунга Сталина: ни одной пяди земли и т.д.

4. Троцкий совершенно не понимает гигантски возросшего патриотизма масс, компрометирует все дело, изолируется целиком от массовых настроений и обнаруживает свойственную ему слепоту по отношению ко всему, что связано с массовым движением и с психологией широких массовых кругов»¹¹⁷.

Эти высказывания заставляют думать, что Бухарин вполне догадывался, почему было принято решение о его аресте. В мирное время он не представлял для партийного руководства реальной опасности — не случайно Сталин звал его уменьшительно-снисходительным словом «Бухарчик», но военное нападение иностранных держав на Советский Союз могло кардинально изменить ситуацию.

¹¹⁶ Показания Н.И. Бухарина. Август 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427. Л. 61.

¹¹⁷ Показания Н.И. Бухарина. Август 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427. Л. 61–62.

На допросе 26 апреля 1937 года арестованный Г.Г. Ягода сообщил: «Мне казалось, что на случай войны СССР с Германией и Японией советскому правительству придется столкнуться не только с военной силой своих противников, но и с крестьянскими восстаниями у себя в тылу. На фоне этого будут активизироваться контрреволюционные организации и, в первую очередь, троцкисты, зиновьевцы и правые. Поражение СССР в войне мне казалось возможным. А поражение неизбежно влекло бы за собой и перемену правительства, состав которого был бы продиктован победителями, в данном случае Германией. Вот почему, желая себя застраховать и играть определенную роль и в будущем правительстве, я имел в виду наладить контакт с германскими правительственными кругами»¹¹⁸.

Поражения на фронтах, ошибки в руководстве страной, неизбежные в обстановке тяжелых военных испытаний, вызывая массовое недовольство населения, всегда создают благоприятные условия для государственного переворота. Сталин в высшей степени опасался такого развития событий и не мог не понимать, что Бухарин как известный всей стране соратник Ленина, объединивший вокруг себя в правой оппозиции целую когорту молодых инициативных коммунистов, мог стать новым знаменем для заговорщиков и всех вообще недовольных партийным руководством¹¹⁹.

Бухарин, как мог, старался развеять подобные опасения Сталина. В своих показаниях на следствии Николай Иванович осуждал не просто государственный переворот, а переворот **в условиях войны**. С твердостью, присущей идеологу-пропагандисту, он заявлял: «Особенно опасна идея переворота во время войны по двум причинам: 1) потому что, дезорганизуя советские силы, она позволит Германии положить ноги на стол, и тогда Германия будет диктовать нам свои условия, и любые предварительные

---

¹¹⁸ Протокол допроса Ягоды Генриха Григорьевича от 26 апреля 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 302. Л. 152.

¹¹⁹ Бывший заместитель наркома внутренних дел Г.Г. Ягоды Г.Е. Прокофьев дал следующее показание на допросе 25 апреля 1937 г.: «Ягода говорил, что Рыков с Томским и Бухариным и другими их ближайшими сторонниками целиком и полностью обеспечат руководство страной. Этому будущему руководству обеспечена внешняя поддержка со стороны Германии» (Из протокола допроса Прокофьева Георгия Евгеньевича от 25 апреля 1937 года // Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов. Казань, 1997. С. 518).

соглашения (если бы на них пошли) неизбежно превратятся в клочок бумаги; 2) потому что в условиях теперешней войны переворот неизбежно дает решающее слово военным, из которых может выйти (и почти наверняка выйдет какой-либо “Наполеончик”, который, как в свое время настоящий исторический Наполеон, первым делом перевешает так называемых “идеологов”, штатских, “штафирок”, “политиков”, “литераторов” и т.д., которые рассматриваются лишь как временные попутчики и помощники в деле дезорганизации руководства пролетарской диктатуры»¹²⁰.

После этих слов Бухарин заметил: «В частности, я опасался подобной роли со стороны Тухачевского, хотя и не могу с полной определенностью утверждать, что я называл кому-либо это имя в данной связи соображений»¹²¹.

Далее Николай Иванович признался, что в разговоре с Томским «допускал возможность переворота и в случае войны, а именно в том случае, если бы война велась недостаточно энергично, то есть допускал переворот под лозунгами, идущими в линии с неизбежным взрывом советского массового патриотизма». Правда, при этом он уточнил, что сам в эту возможность «не верил, ибо хорошо понимал, что в случае войны она будет вестись теперешним руководством весьма энергично»¹²². И как бы для подтверждения этой своей позиции сообщил, что в разговоре с Рыковым «советовал ему, чтобы он написал Троцкому о том, что он, Троцкий, своими переговорами с немцами компрометирует дело»¹²³. Однако, по словам Бухарина, его никто не послушал: переговоры вождей антисталинской оппозиции с Германией продолжались. От имени троцкистов-зиновьевцев их вел сам Троцкий, от имени правых – Карахан¹²⁴. Рассказ об этих переговорах Бухарин закончил категоричным выводом: «Переориентировка на государственный переворот объединенных антисоветских сил при условии того или иного соглашения с Германией (и в случае вне войны, и в

---

¹²⁰ Показания Н.И. Бухарина. Август 1937 г. Л. 62.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Бухарин имеет в виду здесь полномочного представителя СССР в Турции Льва Михайловича Карахана (Леона Караханяна). 3 мая 1937 г. Он был вызван в Москву и там при выходе из поезда его арестовали по обвинению в государственных преступлениях. 20 сентября 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Л.М. Карахана к расстрелу.

случае войны) стала объективным политическим фактом, вся контрреволюционная преступность которого очевидна без всяких комментариев»¹²⁵.

Факт ведения вождями антисталинской оппозиции переговоров с немцами Бухарин более подробно осветил в показаниях, записанных в сентябре 1937 года¹²⁶. Он рассказал, что после возвращения Л.М. Карахана из Германии в Москву имел с ним беседу и кроме того поговорил с М.П. Томским и А.С. Енукидзе. Николай Иванович не просто упомянул об этих разговорах, но описал их настолько подробно, что вряд можно усомниться в их реальности.

«С Томским, — сообщил Бухарин, — разговор состоял в том, что он весьма коротко сказал, что Карахан ездил и что, в общем, немцы не настаивали на территориальных уступках (как результат). Я довольно резко протестовал против самого факта посылки, без предварительного точного уговора, на что Томский пожал плечами и бросил фразу, вроде: “Ты всегда, когда доходит до дела, протестуешь, тебе бы только узоры чертить”. Расстались мы довольно холодно, но я все же с Томским из-за этого не порвал.

Разговор с Енукидзе, кажется, был у него на квартире, куда я забежал на несколько минут. Диалог был, примерно, таков:

— Как это вы послали Карахана без уговора?

— Мне Томский сообщал, что он может ехать.

— Ведь ты же, вероятно, знал, что я, по меньшей мере, сомневался в целесообразности переговоров вообще? Ты же знал от Томского, что я решительно возражал против троцкистских методов?

— Но Томский говорил, что если без территорий, то говорить можно.

— Что же привез с собой Карахан?

— Да в общем дело идет об экономических уступках, и в случае войны, и в случае мира.

— Значит, Карахан уже дал себя связать?

Тут Енукидзе отвечал очень нечленораздельно, краснел и волновался, но точной картины я у него не получил: понял только, что Карахан,

---

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Показания Н.И. Бухарина. Сентябрь 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427. Л. 69–73.

очевидно, не отличался достаточной твердостью, как это всегда с ним бывало в сфере “дипломатических” переговоров»¹²⁷.

Показания Бухарина о переговорах представителей правой оппозиции с немцами подтверждались свидетельствами и самого Л.М. Карахана, и ряда других арестованных советских сановников, связанных в той или иной мере с организацией правых. На допросе 2 июня 1937 года Карахан сообщил, что встречался несколько раз (в Будапеште и Париже) с генералом Мильхом. Герхард Мильх занимал должность статс-секретаря при рейхсминистре авиации Германе Геринге и вполне мог выступить посредником в переговорах вождей антисталинской оппозиции с правительственными кругами Германии. Дословно Карахан говорил в своих показаниях следующее: «Осенью 1935 года, я приехал в Москву из Парижа. После беседы с ЯГОДОЙ о своих переговорах с генералом МИЛЬХОМ мы решили, что по военным вопросам мне необходимо встретиться с ТУХАЧЕВСКИМ для того чтобы, якобы изложить ему подробно точку зрения германского генерального штаба рейхсвера и спросить его совета о дальнейшем направлении военных переговоров с германским правительством...

Во время беседы ТУХАЧЕВСКИЙ все время подчеркивал, что он все больше и больше убеждается в том, что даже самая успешная деятельность заговора внутри СССР не будет иметь успеха без серьезной внешней помощи. Прямое объявление войны Германией СССР он считал наиболее верным средством: причем, по его подсчетам и предложениям выходило так, что через самый короткий промежуток времени Германия нанесет катастрофический удар СССР, так как большое количество высших командных должностей в Красной Армии занято заговорщиками, которые помогут немцам добиться этого успеха. В результате поражения СССР и реализации, таким образом, планов заговора к власти придут заговорщики, которые заключат мир с Германией, а вероятнее всего, и военный союз, с тем, чтобы совместно с Германией начать военный поход против Франции. Это, по заявлению ТУХАЧЕВСКОГО, программа-максимум, которая в ближайшее время едва ли осуществима, так как немцы не готовы к прямому

---

¹²⁷ Там же. Л. 69.

объявлению войны СССР. Поэтому более реальным является тот план помощи Германии заговорщикам, который предлагал генерал МИЛЬХ¹²⁸.

На вопрос следователя НКВД «какие сроки намечал центр заговора для совместного выступления с германскими военными частями?» Карахан коротко и безжалостно ответил: «Вся подготовка вооруженного выступления и одновременного физического уничтожения руководства ЦК ВКП (б) и правительства была намечена центром заговора на весну–лето 1937 года»¹²⁹.

Обвинение правой оппозиции в сговоре с правительственными кругами фашистской Германии с целью получения от нее вооруженного содействия для захвата власти в СССР было самым тяжким из всех обвинений. Поэтому Бухарин стремился не просто снять его с себя, но и показать, что любой способ политической борьбы, предполагавший обращение за помощью к иностранной державе и в особенности использование военного нападения на СССР для отстранения Сталина и его соратников от руководства коммунистической партией и страной, был абсолютно чужд его мировоззрению. Тем не менее Бухарин не мог сколько-нибудь вразумительно объяснить в своих показаниях, почему, узнав о переговорах вождей антисталинской оппозиции с правительственными чиновниками фашистской Германии, он не сообщил о них Сталину.

Текст показаний Бухарина следователям, писавшийся им с июня по сентябрь 1937 года и хранящийся в настоящее время в Российском государственном архиве социально-политической истории, похож на черновик. Он содержит много зачеркнутых фраз и слов, которые уточнялись, заменялись на другие. Никто не диктовал Бухарину эти показания — он писал их добровольно и явно под влиянием сильных, не находивших другого выхода, кроме излияния на бумагу, эмоций. Эта буря чувств была вызвана, скорее всего, продемонстрированными ему следователями разоблачительными показаниями других арестованных оппозиционеров.

Как бы то ни было, представив следователям свои письменные признательные показания, Николай Иванович допустил роковую ошибку. Спустя некоторое время он и сам это понял.

---

¹²⁸ Протокол допроса арестованного Карахана Льва Михайловича от 2 июня 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 309. Л. 125–126.

¹²⁹ Там же. Л. 130.

10 декабря 1937 года Бухарин написал письмо к Сталину, в котором заявил о своей невиновности в преступлениях, в которых повинился во время следствия. Чувство обреченности уже стало захватывать его душу, но умом своим он еще надеялся спастись.

На первом листе Николай Иванович вверху в центре поставил имя адресата: «И.В. Сталину», подчеркнув его. Ниже указал: «7 страниц + 7 стр. докл[адной] зап[иски]», обведя эти слова. Слева написал: «Весьма секретно. Лично» и тоже подчеркнул, справа вверху — «Прошу никого другого без разрешения И.В. Сталина НЕ ЧИТАТЬ», подчеркнув последние два слова.

В конце письма, под датой X. XII. 37 г. Бухарин оставил заметку: «Сюда приложение на 7 страницах». В машинописной копии письма после этих слов было помечено: «Письмо Н. Бухарина поступило в Особый Сектор ЦК 2. XII. 1938 г. без приложения. Другого экземпляра письма в архиве не имеется». Докладная записка, скорее всего, была приложена и попала Сталину, иначе Бухарин зачеркнул бы пометку о семи страницах докладной записки и не написал бы в конце замечание о приложении к письму.

Письма к Сталину, направлявшиеся Бухариным прежде, начинались чаще всего с обращения «Дорогой Коба» или «Дорогой тов. Сталин». В этот раз Бухарин начал письмо более официально «Иосиф Виссарионович!», но в первой же фразе перешел на тональность исповеди: «Пишу это письмо, как, возможно, последнее, предсмертное, свое письмо. Поэтому прошу разрешить мне писать его, несмотря на то, что я арестант, без всякой официальщины, тем более, что я его пишу только тебе, и самый факт его существования или несуществования целиком лежит в твоих руках»¹³⁰.

Что хотел сказать Бухарин последними словами? Что факт существования или несуществования его письма целиком во власти Сталина? Может быть, он хотел написать «**моего** существования или несуществования» и по ошибке вместо этого местоимения поставил местоимение «его»?

На эту мысль наводят последующие фразы данного письма: «Сейчас переворачивается последняя страница моей драмы и, возможно, моей физической жизни. Я мучительно думал, братья ли мне за перо или нет, — я весь дрожу сейчас от волнения и тысячи эмоций и едва владею собой. Но

¹³⁰ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину. 10 декабря 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427. Л. 19.

именно потому, что речь идет о пределе, я хочу проститься с тобой заранее, пока еще не поздно, и пока пишет еще рука, и пока открыты еще глаза мои, и пока так или иначе функционирует мой мозг»¹³¹.

Если бы Николай Иванович действительно желал всего лишь проститься с Иосифом Виссарионовичем, он закончил бы на этом свое письмо. Но он написал еще шесть с половиной страниц. Бухарин явно хотел оправдаться и попытался это сделать в присущей ему сумбурной манере.

Так, он признался, что не жалеет о своих признательных показаниях: «Чтобы не было никаких недоразумений, я с самого начала говорю тебе, что для мира (общества) я 1) ничего не собираюсь брать назад из того, что я понаписал; 2) я ничего в этом смысле (и по связи с этим) не намерен у тебя ни просить, ни о чем не хочу умолять, что бы сводило дело с тех рельс, по которым оно катится. Но для твоей личной информации я пишу. Я не могу уйти из жизни, не написав тебе этих последних строк, ибо меня обуревают мучения, о которых ты должен знать»¹³².

После этого сообщения Бухарин заявил то, ради чего взялся писать это письмо: «Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, я даю тебе предсмертное честное слово, что я **невиновен в тех преступлениях, которые я подтвердил на следствии...** Мне не было никакого “выхода”, кроме как подтверждать обвинения и показания других и развивать их: ибо иначе выходило бы, что я “не разоружаюсь”»¹³³ (выделено мною. — В.Т.).

Не удовлетворившись этим «предсмертным честным словом», Бухарин стал убеждать Сталина поверить в его невиновность: «Но — поверь — у меня сердце обливается горячей струей крови, когда я подумаю, что ты можешь верить в мои преступления и в глубине души сам думаешь, что я во всех ужасах действительно виновен. Тогда что же выходит? Что я сам помогаю лишаться ряда людей (начиная с себя самого!), то есть делаю заведомое зло! Тогда это ничем не оправдано. И все путается у меня в голове, и хочется на крик кричать и биться головой о стенку: ведь я же становлюсь причиной гибели других. Что же делать? Что делать?»¹³⁴

Когда Николай Иванович писал это письмо, он уже понимал, что его дело готовят для рассмотрения на открытом, показательном судебном

---

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Там же. Л. 19об.

¹³⁴ Там же. Л. 20.

процессе. Казалось бы, для невинного такой процесс — последняя возможность если не доказать, свою невинность, то хотя бы заявить о ней. С достоинством души и блеском ума отвести от себя все обвинения. Вступить в публичную юридическую битву с прокурором СССР Вышинским. И победить в ней — пусть только в общественном мнении, а не в судебном приговоре. Но Бухарин почему-то испугался выйти на открытый суд. «Мне легче тысячу раз умереть, чем пережить предстоящий процесс, — признался он Сталину: — я просто не знаю, как я совладаю сам с собой — ты знаешь мою природу; я не враг ни партии, ни СССР, и я все сделаю, что в моих силах, но силы эти в такой обстановке минимальны, и тяжкие чувства подымаются в душе; я бы, позабыв стыд и гордость, на коленях умолял бы, чтобы не было этого. Но это, вероятно, уже невозможно, я бы просил, если возможно, дать мне возможность умереть до суда, хотя я знаю, как ты сурово смотришь на такие вопросы»¹³⁵.

Бухарин понимал, что смертный приговор ему предопределен, что зал судебного заседания будет в действительности **эшафотом**, а не ареной для фехтования юридическими аргументами, но тем не менее страшился приговора к *«высшей мере уголовного наказания — расстрелу»*. «Если¹³⁶ меня ждет смертный приговор, — обращался он с мольбой к товарищу Сталину, — то я заранее тебя прошу, заклинаю прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью в камере яд (дать мне морфию, чтоб я заснул и не просыпался). Для меня этот пункт крайне важен, я не знаю, какие слова я должен найти, чтобы умолить об этом, как о милости: ведь, политически это ничему не помешает, да никто этого и знать не будет. Но дайте мне провести последние секунды так, как я хочу. Сжальтесь! Ты, зная меня хорошо, поймешь. Я иногда смотрю ясными глазами в лицо смерти, точно так же, как — знаю хорошо — что способен на храбрые поступки. А иногда тот же я бываю так смятен, что ничего во мне не остается. Так если мне суждена смерть, прошу о морфийной чаше. Молю об этом...»¹³⁷.

---

¹³⁵ Там же. Л. 21.

¹³⁶ Здесь Бухарин зачеркнул слова «вы предрешили». — В.Т.

¹³⁷ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину. 10 декабря 1937 г. Л. 21.